



Роман Злотников

Владимир Свержин



Князь
ТРУБЕЦКОЙ

Личный враг императора

Князь Трубецкой

Роман Злотников

Личный враг императора

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Злотников Р. В.

Личный враг императора / Р. В. Злотников — «Эксмо»,
2016 — (Князь Трубецкой)

ISBN 978-5-699-88305-9

Осень 1812 года... Потрепанные, но все еще опасные полки Великой армии с боями отступают из России. И у всех наполеоновских солдат на устах имя страшного партизанского вожака, князя Сергея Петровича Трубецкого. О нем рассказывают легенды одна невероятней другой. Трубецкой будто бы начисто отвергает каноны «цивилизованной» войны, не горит в огне и заговорен от пуль, обладает пророческим даром, и, наконец, он ЛИЧНЫЙ ВРАГ ИМПЕРАТОРА! Но даже самым ловким шпионам не узнать, кто такой князь Трубецкой на самом деле... Книга первая выходила под названием «Князь Трубецкой».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88305-9

© Злотников Р. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Роман Злотников, Владимир Свержин

Князь Трубецкой. Книга вторая.

Личный враг императора

© Злотников Р., Свержин В., 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Пролог

По команде «Подъем!» начинается светлое время суток. «Подъем, Трубецкой, подъем!» Нет времени пролеживать тюфяки, даже если они густо засыпаны лаврами – все равно нет. Хорошо Супермену – нацепил плавки поверх трико, выставил кулак вперед – и помчался спасать возлюбленную, а заодно и мир. А тут, сколько кулаки ни выставляй, дело с мертвой точки не сдвинется.

О чем только думали высоколобые Старцы, прорабатывая ту долгоиграющую миссию, которую мне надлежит исполнять здесь, начиная с рокового для России 1812 года? Что я пристану к ближайшему кавалергарду со словами: «Мне нужен твой скакун и кираса»? И дальше буду разъезжать по Европе с каменной физиономией, совершая подвиги во имя высокого замысла тех, кто имел возможность разработать эту головокружительную операцию и прислать меня сюда? Хорошая идея. Но я – погрешность, нелепая погрешность в их точных исчислениях, по какой-то нелепой случайности я не стал бездушной функцией и остаюсь человеком. Впрочем, может быть, мне это лишь кажется. Это болезненно, порою невыносимо болезненно, – творить объективное добро, невзирая на мнения и желания окружающих. Очень уж какое-то злое добро получается. Иногда даже и для меня самого жутковатое.

Но я дал согласие. Какая уже разница почему, что заставило меня пойти на этот шаг. Заставило. И я здесь, возврата нет и не может быть. А боль остается, тянущая, мотающая жилы на кулак, заставляющая двигаться все дальше, украшая дорогу трупами врага. Конечно же, ради высокой цели. Как же иначе?!

А вот теперь иначе. Ибо есть та самая пресловутая миссия и та, ради кого стоит жить в этом мире. С его объективными законами и традиционным беззаконием; с его святыми и демонами в человеческом облике. И ей грозит опасность. Ужасная опасность, до которой нет ровно никакого дела высоколобым творцам Великого замысла. А значит, сегодня и мне нет дела до них.

Меня больше нет, есть живая легенда, страшная легенда о безжалостном «принце Трубецком», которым французские мамы еще долго будут пугать не в меру резвых детишек. Но что ж так болит?! Неужели же это настоящая потребность оставаться человеком? Отставить! Душа бестелесная субстанция, а значит, болеть не может! Не должна. Коней в галоп! К черту страдания! Время не ждет!

«Вперед, князь Трубецкой! Вперед!»

– Экселенц, – этот голос достигает моего сознания далеко не сразу. Я оборачиваюсь, лицо говорящего едва различимо в безлунной октябрьской ночи. – Вот там они держат Александра. Томаш проследил.

Я всматриваюсь в освещенные далекие окна, не так давно за ними было тихо и уютно. Совсем недавно.

– Лютуют? – спрашиваю я.

– Лютуют.

– Что ж, тогда сам бог велел. Работаем!

Глава 1

Оконное стекло разлетелось сотней блестящих осколков, рухнуло во двор, усеивая пустую уже, тоскливую клумбу множеством острых прозрачных зубьев. Хохот, выстрел, чей-то вскрик, топот кованых сапог и французская речь... Началось!

Едва-едва оперившиеся птенцы гнезда Петрова разлетались по своим вотчинам, дедовским или же дарованным грозным императором. Они что есть сил пытались воплотить в своих родовых усадьбах образ того самого гнезда. А если получится, то и превзойти его. Конечно же, никто из них и не думал копировать голландское пристанище русского «плотника Михайлова», и даже домик Петра на берегу Невы соратники государя строить для себя почему-то не торопились. Вот петергофский дворец вполне служил образцом для подражания. Конечно же, не всякий птенец мог состязаться в роскоши с государем, но всякий желал чувствовать себя в имении микроимператором и прилагал к этому максимум усилий. И хотя поэтическое название «дворянские гнезда» вошло в обиходную речь стараниями Ивана Сергеевича Тургенева много позже, этот дом с белеными колоннами псевдоантичного портика, с широкой лестницей, ведущей ко входу, и раскинувшимися крыльями темных флигелей, красовавшихся среди запущенного английского парка, вполне можно было бы уже назвать таким гнездом. Правда, довольно запущенным. Но тут уж, как ни старайся, плетью обуха не перешибешь – война, не до красот.

Возможно, в мае, когда зелень окутывает господский дом и радует глаз наблюдателя, тот казался намного привлекательнее, а уж если там звучала музыка, суежилась дворян и хозяин в шлафроке выходил на крыльцо полюбоваться угодьями, этот уголок средней полосы России можно было счесть воистину райским. Однако сейчас, когда осень перевашила за половину, лишенный привычной жизни дом отчего-то выглядел жутковато. Этаким черепом не ведомого ни сказкам, ни академической науке чудовища, многоглазого, с огромными зубами колонн, выбеленным беспощадным временем и все же не безжизненным, и оттого особо жутким.

В барском доме сейчас явно не экономили на свечах. Да и дрова явно никто не собирався беречь до наступления истинных морозов. Сейчас густо дымили все трубы, так, будто нынешние обитатели усадьбы только и желали, что согреться и наесться вдоволь. Звон посуды, хлопки вылетающих пробок шампанского, нестройные пьяные вопли, доносившиеся из барского дома, неумолимо свидетельствовали, что он обитаем. Однако же так обитаемо и вместилище человеческого разума, населенное могильными червями. Кем были существа, весело и разухабисто громившие явно чужую усадьбу? Уж точно не людьми, иначе не стали бы выкладывать перед широкой парадной лестницей шеренгу растерзанных тел.

Всякий житель округа любого рода и звания без труда бы опознал несчастных: хозяйина усадьбы, его челядь. Еще совсем недавно они жили своей обыденной жизнью, радостно обсуждали новости: Москва оставлена французом, супостат-антихрист с потрепанными уже полчищами неуклонно катится прочь из их родного Отечества, а славные наши казаки да гусары из Летучего корпуса генерала Бенкендорфа рвут его на части, не давая остановиться и перевести дух. Сзади врага поджигает славнейший Кутузов и орлы его, суворовские чудобогатыри. Немного подождать, чуток перетерпеть – и все наконец вернется на круги своя. А уж коли Господь на их стороне, то, по всему виду, здесь в двух с лишком десятках верст к северу от старой Смоленской дороги удастся тихо отсидеться вдали от военной грозы. Отчего ж нет? Вот и гусарский отряд, заезжавший в имение совсем недавно, всего-то пару дней тому, рассказывал о том, как бежит француз, бежит так, что пятки сверкают! Вот ухватит батюшка Михайло Илларионович французского аспида за хвост да головой об камень, чтоб мозги его гадские только в сторону и прыснули.

Хозяин поместья, и сам в прошлом служивший под знаменами нынешнего главнокомандующего и бившийся с ним при Измаиле, лишь удовлетворенно кивал головой да проклинал жестокую рану, полученную в схватке с турецкой кавалерией и заставившую его просить отставки. Он славно угостил тогда гусар, перекрестил каждого на дорогу и заклинал приезжать еще и не оставлять его без вестей.

Оттого нынче и не всполошился, не приказал своей дворне разобрать пики да мушкеты, загодя приготовленные для отражения незваного врага. Когда дозорный, разумная предосторожность в такой-то час, сообщил, что в сторону имения движется отряд, более полусотни верховых, он лишь велел подать старый мундир да готовить трапезу. Чего уж теперь бояться? Французов в пинки гонят, так, стало быть, свой брат, может, партизан, или того лучше – фуражиры. Эти-то и вовсе кстати, эти за овес для коней и снесь деньгами платят, а не одним лишь спасибо. Подкрутил усы, отряхнул пыль, слегка припорошившую мех гусарского ментика, и, опираясь на клюку, улыбаясь, вышел на крыльцо приветствовать гостей.

К тому моменту, когда он переступил невысокий порог, человек, предводительствующий заезжим отрядом, уже стремительно, без всякого стеснения поднимался по лестнице.

– Бонжур, – скорее растерянно, чем приветливо, выдавил отставной гусар, стараясь определить по разноцветью мундиров, кого это принесло в его имение.

– Бонжур, – без всякого чувства ответил незнакомый офицер и махнул рукой своим людям: – Я дарю вам этот дом.

Толпа спешившихся мародеров, блестя голодными нетерпеливыми глазами, ринулась внутрь, сбивая с ног увечного воина.

– Что вы делаете, месье? Вы же офицер!

Из сеней доносились крики, женский визг, звуки ударов и редкие выстрелы.

– На войне как на войне, – безучастно пожал плечами вожак дикой стаи, рывком поднимая на ноги сбитого с ног хозяина. – Вы же наверняка знаете, месье, старое правило: война сама себя кормит.

– Но есть же и каноны чести, – попытался было возмутиться отставной гусар.

Лицо предводителя вдруг резко потемнело, и на губах появилась недобрая, похожая на оскал ухмылка.

– Все это выдумка для идиотов, месье. Я ж таким не являюсь. – Он схватил несчастного помещика за горло и с силой прижал к колонне. – В этом доме все умрут: мужчины – сразу, женщины – чуть позже, когда перестанут интересоваться моих гвардейцев. А если они будут с ними ласковы, то кто знает, может, им и удастся остаться в живых. Но ты не женщина, а никто из моих храбрецов не интересуется мужчинами, пусть даже колченогими.

Ветеран попытался ослабить хватку обряженного в мундир разбойника. Тот лишь расхохотался, еще крепче сжал пальцы. Старый гусар захрипел, глаза его полезли на лоб.

– Глупец, у тебя есть ровно один шанс дотянуть до утра: скажи, где тайник, в котором ты прячешь свои золото и драгоценности.

– Будь ты прок... – задыхаясь, сипел хозяин усадьбы.

– Не усердствуй, я уже давно проклят.

Он повернулся, скомандовал, и на крыльцо за руки, за волосы вытащили упирающуюся супругу хозяина поместья. То, что недавно представляло собой наряд почтенной дамы, развевалось на ветру клочьями. Вожак оттолкнул отставного гусара, вытащил из-за пояса дорогой, явно не армейский пистоль, взвел курок и направил ствол на рыдающую женщину.

– Где твоя касса, ублюдок?!

– Да, да, я скажу, только не стреляйте!

Предводитель молча пожал плечами, как ни в чем не бывало выпалил в голову мальчишки-поваренка, выброшенному в окно одного из флигелей, и кивнул подручным, приказывая тащить обессиленного хозяина в дом.

Его зарубили спустя минуту после того, как главарь разбойничьей шайки удовлетворенно открыл крышку сундучка, еще недавно спрятанного под дубовыми половицами в кабинете барина. Зарубили без каких-либо эмоций, под хохот мародеров, выкинули в окно второго этажа и оттащили в сторону на аллею, где уже красовалась безмолвная шеренга бывших обитателей поместья. Бросили наземь возле удушенной вожжами жены, приговаривая, что теперь все семейство в сборе. Отдав должное радостям войны, опьяненные успехом головорезы спешили отведать радостей мира: тепла, вкусной и обильной еды и отличных вин, которые отныне можно пить, не считая.

– К черту императора! – орали душегубы, которых недавно именовали солдатами Великой армии. – Да здравствует Черный Маркиз!

Предводитель банды, высокий блондин в лейтенантском кирасирском мундире, удовлетворенно глядел на ликующих соратников, радуясь новой победе. Конечно, не такой великой, как те, что ему доводилось видеть, служа под императорским орлом. Но, черт возьми, много ли проку ему и тем, кто пошел за ним, от величия чужих побед?! Славой камзол не подобьешь. Он глядел на ликующих ветеранов собственной, пусть и не слишком старой гвардии. «Эти чертовы упыри готовы идти за мной хоть в пекло, потому что знают, со мной они будут живы и богаты. А без – лежать в кювете с простреленной башкой, подыхать от дизентерии или же голодать, радуясь прокисшему заплесневелому сухарю и пиву, от которого в желудке такая круговерть, что не до службы, не до войны».

– Да здравствует Черный Маркиз!

Сегодня они будут спать в тепле и есть от пуза, наслаждаться телами прислуживающих им голых пейзанок, от души веселясь их нелепым попыткам хоть как-то закрыть свою наготу. А завтра, завтра этот дом полыхнет вместе с теми его обитателями, кто дожил до утра. А отряд Черного Маркиза исчезнет, растворится в бескрайних российских просторах, не оставив следа и свидетелей. Впрочем, как вчера и позавчера и до того... Всякому, поднимавшему сейчас за него тосты, было известно – Черный Маркиз не оставляет в живых тех, кто видел его в лицо.

К чему все эти глупые рассказы о каком-то там гуманизме? Все эти выдумки Дидро, Руссо и всяких там Вольтеров?! К чему библейские причитания? Не сильно гуманизм помог его отцу – добрейшему сельскому кюре, когда опьяненные кровью санкюлоты ворвались в храм и подняли на штыки глупца священника, призывающего сжалиться над несчастными, по обычаю ищущими защиты в доме Господнем. Какая там защита, какой дом?! Он видел все это своими глазами, спрятавшись под сиденьями, и уже тогда понял для себя главное: есть лишь тот бог, который хранит его, наполняет мощну и тарелку. Все остальное – никчемная блажь.

Спустя годы он с нескрываемым удовольствием рубил бунтующих санкюлотов и орал: «Слава императору!», поскольку император был живым воплощением бога, «дарующего и наполняющего». Теперь же, когда планомерное отступление на зимние квартиры все больше напоминало бегство, его бог явно отвернулся от маленького капрала, превратил его в заурядного толстого корсиканца. А значит, с этого дня им не по пути! К черту армию! К черту надутого индюка Бони, почитающего себя гением!

И все же предосторожность не помешает, ни к чему оставлять за собой тех, кто сможет опознать его. С его умом и деньгами он прекрасно устроится где угодно после того, как будет подписан мир. Если император будет разбит, кто спросит, как он выжил и откуда взялось его богатство. Если вдруг, кто знает, военная фортуна переменчива, Наполеон победит, лучше будет вновь где-нибудь вынырнуть вблизи от победоносного государя, вот тогда уж точно свидетели будут ни к чему. Пусть даже слава о проделках Черного Маркиза докатится до самого Парижа, кто заподозрит в преступлениях светловолосого лейтенанта кирасиров, отпрыска безвестного деревенского кюре?

Черный Маркиз огласил тост за свою доблестную гвардию и, отшвырнув хрустальный бокал, разлетевшийся великим множеством искрящихся осколков, начал подниматься по лестнице. Ему нравился особняк, пусть и несколько запущенный, но все же большой дом, который в округе не видевшие дальше своего собственного носа крестьяне считали дворцом. Конечно, он не шел ни в какое сравнение с московскими особняками, но все же о чем-то подобном он мечтал, не так давно пересекая Неман во главе своего полуэскадрона. Теперь нужно было позаботиться о том, как унести ноги из этой чертовой дикарской страны. И уж точно ни один из здешних барских домов с собой не утащишь. А если так, зачем им вообще существовать? Завтра поутру все здесь запылает жарким пламенем. И уж точно в сумятице пожара никому не будет дела, куда подевались неведомые гости. Но до этого часа еще целая ночь, и провести ее следует в схватках куда более приятных, нежели те, в которых ему повезло уцелеть в прежние годы.

Он неспешно поднимался по лестнице в кабинет прежнего хозяина поместья, с явным удовольствием оглаживая ладонью резные дубовые перила. Сегодня его ожидает замечательный трофей! Правда, он так и не смог выяснить имя полонянки, взятой им в небольшом женском монастыре в нескольких верстах отсюда. Но так еще интереснее, зачем пытаться ее, вытаскивать раскаленными клещами никому не нужное имя? Разве он намерен ласково шептать его в ушко прелестницы?! Куда приятнее сломить ее сопротивление, заставить стонать под ним, добиваться его ласки, а потом... Он задумался над этим самым потом. Оставить здесь, в горящем доме, или, может, прихватить с собой? Этакую красавицу не часто встретишь. Что и говорить, она поразила его еще там, в монастырской келье: стройная, изящная, будто кошка, белолицая, с огромными зелеными глазами невероятной глубины. Наверняка дворянка, но вот русская ли? Хотя что, спрашивается, делать чужестранке в православном монастыре? Маркиз чувствовал, что здесь какая-то жгучая тайна, и это особо возбуждало его. Он уже сбился со счета, да и не думал подсчитывать, сколько женщин прошло через его руки с того дня, как Великая армия вошла в эту страну. Уж точно больше, чем дней, проведенных в этих варварских краях. Однако в этой пленнице было что-то особенное. Врожденное изящество? Истинный аристократизм? Несгибаемая гордость? И потому ему, вчерашнему голоштанному сыну бедного юре, сейчас больше всего хотелось добиться покорности этой гордячки. Не взять силой, это было легко, заставить склониться, признать его власть. Но если нет, то все решит сила! Женщина должна знать свое место, будь она хоть герцогиня, хоть сама царица Савская.

Он подошел к кабинету. Часовой отсалютовал ружьем и чуть отодвинулся в сторону, открывая дверь. Маркиз довольно кивнул, его небольшое войско могло творить что угодно с кем угодно, однако же караульная служба соблюдалась здесь превыше расписания молитв в доминиканском аббатстве. Вот и сейчас можно было не сомневаться, двойные караулы бдительно стерегут ворота и калитку чугунной ограды запущенного сада. Вдоль решетки не смыкая глаз ходят часовые. Да и у самого дома, чуть в стороне от освещающих подъезд костров, стоят караульные, готовые без лишних приказов открыть по незванным гостям прицельный огонь. Мышь не прокрадется незаметно! Впрочем, с чего бы это мыши, а уж тем более человеку, бродить по стылому ночному лесу, зная, что в округе неспокойно и в единый миг запросто можно лишиться не только кошелька, но и головы?

Маркиз зашел в кабинет, уселся в мягкое кресло и раскурил длинную турецкую, должно быть, вот так же захваченную бывшим хозяином, трубку. Отменный табак! У маркизантов такого не найдешь! Он прикрыл глаза, представляя, как всего через несколько минут будет ломать эту гордячку. Восхитительно приятное занятие! Что с того, что она сильна? Главное, что ее сила ничтожна по сравнению с его. А раз так, горе побежденному! Вон, давно ли Наполеон казался непререкаемым повелителем Европы, щелчком сбивавшим короны с голов плюгавых монархов и перекраивавшим карту Старого, да и Нового Света по своему

усмотрению. А теперь он плетется, как побитая собака, поджав хвост. И те, кто плетется с ним, – глупцы, верящие в ушедшую силу, наслаждающиеся вкусом прошлогоднего, давно съеденного хлеба. Судьба всем раздает в полной мере, главное понять, что, где и когда. Вот лично он понял и сегодня пирует в этом пусть и не самом роскошном, но все же дворце. А бывшие соратники его, те, кто еще не отправился на корм червям, наверняка укладываются спать где-нибудь под кустом, кутаются в плащ да пугают местную дичь слитным цокотом зубов. Предел их мечтаний сейчас – крестьянская изба. А нет – сойдет и хлев, на худой конец, сгодится даже щелястый сарай.

Он выбил пепел из трубки. Вдруг ему показалось, будто уголек отскочил и блеснул в темноте. Но нет, не уголек. Неподалеку грохнул выстрел, за ним второй.

– Дерьмо! – выругался Черный Маркиз и вскочил, хватаясь за пистолеты. – Проклятое дерьмо!

Стреляли издали, примерно от чугунной ограды. Ответного залпа нет...

Еще выстрел...

«Дьявольщина! Как такое могло случиться?!»

Он змеей скользнул к окну, притаился сбоку, чтобы не маячить у окна освещенной мишенью, чуть отодвинул ствол пистолета штору, глянул во двор. Так и есть, два трупа валялись неподалеку от костра, еще один караульный, воткнув в землю штык, опирался на ружье, точно на костыль, и медленно оседал наземь.

«Все плохо. Все чертовски плохо! Три выстрела – три трупа. И это в темноте на изрядной дистанции. При этом ни один часовой у ограды не то что не подал сигнал – не вскрикнул. Похоже, это западня, наверняка западня. И этой ночью против меня кто-то жесткий, сильный и умелый. Вероятно, здесь у него была квартира. То-то старый гусар выскочил на крыльцо встречать гостей, явно ждал не меня. Значит, придется выяснять, кто сильнее и жестче».

Внизу раздался звон разбитого стекла, усадьба украсилась вспышками ответных выстрелов. Что и говорить, его гвардия состояла из отъявленных мерзавцев, но ни трусов, ни лопоухих щенков-неумех среди них не было. Конечно, таким огнем невесть куда в непроглядную тьму вряд ли нанесешь большой ущерб, однако же наверняка отобьешь у непрошеных гостей желание ломиться в атаку очертя голову. Надо оценить, очень быстро оценить обстановку. Сколько бойцов у него сейчас под рукой? Чуть больше трех десятков, тех, кто стоял в карауле, можно уже не считать. Будь они живы, непременно бы дали о себе знать криками, выстрелами, хотя бы стонами. Значит, мертвы. Как уж это удалось подкрасться незаметно – вопрос иной, сейчас не до него.

«Что делать, сражаться, обороняя усадьбу, или же пытаться вырваться из западни? Или же, – в голове мелькнула недобрая мыслишка, – оставить гвардию вести перестрелку с неведомым врагом, а самому с парой самых верных и испытанных соратников попытаться скрыться под покровом ночи? Возможно и такое. Но бежать – значит потерять все, что удалось взять в этой проклятой стране. – От этой мысли лицо его скривилось, будто невзначай вместо русской водки он хлебнул уксус. – Так что же, удерживать дом? Идея не самая лучшая, слишком много окон. Кроме того, надо еще защищать черный ход и задний двор со службами, там легко разместить бойцов. Попробуй только нос высунуть! А вот сунуться оттуда могут». Сквозь заградительный огонь вряд ли кто-то рискнет ломиться в штыковую с «ура!». Но если неизвестный стрелок или, того хуже, стрелки так ловко расправились с едва освещенной вахтой у крыльца, ориентируясь на вспышки выстрелов, без особого труда перебьют его головорезов одного за другим, не утруждая себя бессмысленным штурмом?

Проклятье, все чертовски плохо! Однако другого мира за окнами нет, действовать нужно в этом. Сейчас нужно выиграть хоть немного времени, постараться выяснить, каковы силы врага и его намерения. Кто знает, быть может, ночные гости – всего лишь такая же шайка мародеров, а то и вовсе сбившиеся в разбойничью шайку крестьяне. Прежде ему уже

доводилось встречать таких. В таком случае вполне может быть, что засевший в каменном особняке пусть небольшой, но все же войсковой отряд окажется не по зубам. Тогда главное выдержать первый натиск, показать себя, продемонстрировать, что ни бежать, ни сдаваться мы не собираемся. Если все получится, то можно попробовать договориться. Конечно, придется идти на уступки, раз уж угодили в западню, но лучше так, чем тут подохнуть. Быть может, – Черный Маркиз усмехнулся, – начать переговоры, убедить в готовности принять любые условия, изобразить страх и ударить быстро и неотвратимо, как гром небесный?

Он вспомнил лихие атаки расфуфыренного, как павлин, Мюрата. В вызолоченном бархатном мундире с развевающимся плюмажем страусовых перьев над польской конфедераткой, с тигриной шкурой под седлом вместо уставного потника, он выглядел пародией на воина. Однако же не тогда, когда впереди обожающих его воинов мчал в самую гущу боя, не замечая опасности и насмехаясь и над самой смертью.

Нет, он, конечно, не Мюрат, подставлять голову под пули смысла не имеет, однако же внезапная стремительная атака вполне может принести успех. Значит, нужны переговоры, нужно улыбаться, пряча в рукаве кинжал. Пусть так, почему бы и нет?

Я молча глядел, как гаснет свет в доме. Вместо сотен ярких свечей, освещавших центральное здание и крылья флигелей, теперь в темных проемах окон скорее угадывался, чем виделся свет небольших огарков. Вполне достаточно, чтобы перебежать, не споткнувшись ни обо что, с одной позиции на другую, чтобы перезарядить ружье или пистолет. Когда бы взгляды могли воспламенять, барский дом бы уже пылал, как олимпийский факел.

Рольф Ротбауэр, не так давно мечтавший о лаврах придворного эскулапа в родной Вестфалии, по-своему оценил сумрачное молчание командира.

– Экселенц, штурмом мы этот особняк не возьмем. Половина наших ляжет под стенами. А сколько в доме в рукопашной – это уж как бог даст.

Ни у кого из тех, кто знал Рольфа с той поры, когда он сменил университетскую парту на солдатский ранец, не повернулся бы язык назвать его не то что трусом, но даже просто робким человеком. Всякому было известно, что в случае необходимости он готов с голыми руками броситься на превосходящего врага, особенно если речь идет о спасении друга. Однако же подвох состоял как раз в определении этой самой необходимости. Тут Ротбауэр был весьма скрупулезен. Идея рисковать без нужды казалась ему совершенно безрассудной. Однако приказ командира есть приказ командира. Тем более если это не какой-то там чужак, поставленный над тобой волей проклятого корсиканского выскочки, а человек, не раз спасавший твою жизнь и в десятках схваток доказавший свой воинский талант. Когда это сам князь Трубецкой!

Я перевел взгляд на боевого товарища.

– Так и есть, лобовая атака вообще дурацкая затея, а в нашем случае так и вовсе. С противоположной стороны дома – черный ход. Наши корсиканцы его контролируют, но их всего двое, так что, если противник не дурак, а он, похоже, совсем не дурак, в случае нашего штурма он либо скроется отсюда, либо контратакует нас во фланг и тыл. А оцепить дом по периметру нашими силами просто невозможно.

– Хорош кусок, да в рот не лезет, – поддержал князя земляк Рольфа, Фердинанд Кляйн, прозванный в отряде Малышкой. – Однако же как-то нужно освобождать фройлейн Александру. – Он хотел еще что-то добавить, но смолк, поймав жесткий взгляд командира. Да уж, что за нелепость, кому он это говорит?

С той поры, как вчера ближе к вечеру они подобрали в лесу раненого, почти до смерти замерзшего Томаша Бочанека, оставленного при монастыре охранять ясновельможную панну, князь будто закусил удила, даже сама его личная война с Бонапартом, казалось, отступила на второй план.

– Я не смог защитить панну, – лежа на застеленной серым плащом волокуше из лапника, шептал Бочанек, когда его доставили в лагерь. – Хотел, но не смог.

Князь молчал, глядя на него без осуждения, но и без сочувствия. Никто бы, даже сам он, не смог в одиночку противостоять отряду в более чем полсотни сабель. Томаш сделал все, что возможно, прикончил двоих и сам чудом остался жив. Он плелся за бандой, отыскивая следы, покуда не рухнул без сил от потери крови. Так и лежал с зажатым в руке пистолем, когда наткнулся на него передовой дозор. Но, увы, ситуацию его личная доблесть не меняла.

– Какие будут приказы, экселенц? – глядя на молчавшего предводителя, спросил Ротбауэр.

– Сколько у нас пленных?

– Двое.

– Достаточно, – я удовлетворенно кивнул. – Трупам отрубить головы, собрать в мешки. Пленным отсеки пальцы на руках, они им больше не понадобятся. Раны прижги, им еще нужно дойти до крыльца, не сдохнув от потери крови. Мешки с головами привяжи этим ублюдкам на шеи и гони к крыльцу. Мы вступаем в переговоры, а тут без подарков никак.

– Будет исполнено, экселенц, – выдавил недоучившийся хирург, вытаскивая из ножен пехотный тесак.

Конечно, ему не впервой было резать человеческую плоть, как живую, так и мертвую, однако от такого приказа почему-то бежал мороз по коже. Но умом он все же понимал, что с Черным Маркизом, судя по его манере вести дела, иначе разговаривать не получится. По вереницам трупов в несчастном монастыре, в сожженной деревеньке, в которой отряд мародеров останавливался следующей ночью, было ясно, что этот взбесившийся зверь пьянеет от вида крови и упивается собственной безнаказанностью. Что ж, как ни крути, принц все же повыше, чем маркиз. А уж по черноте... «Прости меня, Господи! – незаметно перекрестился недоучившийся медик. – С ним еще нужно потягаться».

Он скрылся во тьме, спеша выполнить недвусмысленный приказ командира. А в это время уже звучала новая тихая команда:

– Дунке, ко мне!

Михаэль Дунке, большую часть жизни проведший вблизи орудий и прошедший незамысловатый, однако далеко не легкий путь от сына маркитантки до капрала саксонской конной артиллерии, спрятал в руках свою вечную трубку-носогрейку и приблизился к командиру:

– Я здесь, экселенц.

– Орудие на прямую наводку. Цель – двери парадного входа.

– Ядро? – уточнил капрал.

Я покачал головой:

– Картечь. Лошадей выпряги, чтобы шальными пулями в ответ не достали.

Дунке удивленно поглядел на меня. Вот уж что-что, а советы, как управляться с орудийной упряжкой, были ему совершенно излишни.

– Слушаюсь, экселенц, – слегка помедлив, ответил он и чуть замешкался, прежде чем выполнять приказ.

– Вопросы? – Я резко повернул к нему голову.

– Вы бы застегнули тулуп, экселенц. Ночь холодная.

Я было нахмурился от такой дерзости, но, услышав, каким заботливым, почти отеческим тоном были сказаны эти слова, смягчился и лишь кивнул:

– Ступай, Михаэль. Холодно? Какой уж тут холодно? – Я чувствовал, как огонь праведной ненависти, яростный огонь сжигает все мое нутро. И этот огонь не унять, покуда жив хотя бы один из мерзавцев, посмевших тронуть мою Александру. Кто покусился... Я заскрежетал зубами и впился пятерней в рукоять сабли, будто хотел задушить ни в чем не повин-

ный клинок. А ну стоять, даже не думай в эту сторону! Что бы там ни случилось, ничего не было, и всякий, кто скажет иное, лишится сначала языка, потом головы. Какая ж, казалось бы, замечательная идея спрятать Александру в монастыре от чужих глаз, от войны, да и что мудрить, от себя самого. Настоятельница монастыря, дальняя родственница, наотрез отказалась пускать в святую обитель католичку. А все же как-то уломал ее, улестил богатыми дарами. А вот на тебе, эдак просчитался. И как бы, что бы в эти дни с ней ни случилось – все его вина! Значит, к черту великую миссию, к черту премудрых Старцев, приславших его сюда вершить историю! Александра Комарницкая, девушка, семью которой он убил без всякого сожаления, которая потеряла зрение от его руки, называющая себя его крестом, которая спасала его жизнь, не заботясь о своей, – должна быть спасена. И все равно, что будет завтра и будет ли этот завтрашний день!

– Дело сделано. – Рольф Ротбауэр появился из темноты, вытирая кровь с ладоней какой-то тряпкой.

– Отлично, теперь пусть идут к дверям, пусть скажут Черному Маркизу, что я желаю вступить с ним в переговоры.

Я достал из кармана золотую визитницу и подал Ротбауэру аккуратный прямоугольник с княжеским гербом и именем.

– Сунь одному из них в зубы. Вздумает выплюнуть по дороге – пристрели. И вот еще что, помоги-ка мне закрепить «сюрпризы».

Ротбауэр помог мне затянуть ремни, довольно кивнул и мрачно поглядел в сторону еле стоящих на ногах пленников. Те, несомненно, слышали приказ, и даже если не поняли его дословно, то общий смысл вполне уловили. Я отвернулся, теряя интерес к «курьерам», и принялся глядеть, как Дунке с товарищами разворачивает орудия на прямую наводку.

– Готово, экселенц, – доложил пушкарь, устанавливая заданный угол возвышения ствола. – Я на всякий случай и ядра тоже прихватил, – задумчиво разглядывая назначенную мишень, оповестил он.

– Хорошо, – кивнул я, разминая пальцы, чтобы не так мерзли. – Иди-ка сюда, я объясню тебе суть затеи.

Черный Маркиз, скрипя зубами, наблюдал, как, шатаясь от боли и потери крови, бредут к парадному входу его гвардейцы. Еще несколько часов назад их вид повсеместно внушал ужас, сейчас же – ничего, кроме постыдной жалости. Покалеченные вояки с трудом взошли на крыльцо. Дверь чуть приоткрылась, впуская их внутрь.

– Что ж, он пугает и ищет переговоров, – пробормотал сын деревенского кюре, выслушав доклад ординарца. – Значит, у него все тоже не слишком хорошо, иначе бы не пускался на этикие ухищрения и сразу потребовал капитуляции. Или попросту сжег усадьбу, не давая никому выбраться из пламени. Лично я бы сделал именно так. Переговоры – хорошо, это шанс, отменный шанс.

Он опрометью бросился вниз по лестнице. Проморгавшие врага караульные стояли, опустив головы, обессиленно прислоняясь спинами к входной двери. Во рту одного из них торчал кусочек белого картона.

– Что это?! – Черный Принц рванул визитку, оставляя кусок ее во рту изувеченного гонца. – Ле принц Трубецкой, – прочитал он и невольно похолодел. С кем он меньше всего хотел встречаться, так это с Трубецким. О неумной кровожадности этого аристократа во французской армии ходили легенды, не дававшие спать часовым куда вернее, нежели дисциплинарный устав. И самое ужасное в этих легендах было то, что по большей мере они являлись чистой правдой. Но и неусыпная бдительность помогала далеко не всегда.

– Откуда они взялись?! – с отвращением глядя на подчиненных, рявкнул Черный Маркиз.

– Не знаю, мессир, – выплевывая уголок визитки, признался один из караульных.

– Я не успел понять, – признался второй, – меня огрели прикладом по голове. Я потерял сознание.

– Терять сознание – это плохо, – посочувствовал главарь разбойного воинства. – Вслед за этим теряется жизнь. – Он рванул пистолы из-за пояса. Два выстрела слились в один, и мертвые тела рухнули на пол. – Зарядить! – Он протянул ставшее бесполезным оружие подоспевшему соратнику. – Они хотят переговоров, что ж, они их получают. Всем быть готовым к атаке! Сигнал: клич «Да здравствует принц!». – Черный Маркиз распахнул дверь. – Выкиньте этих псов из дома, – он указал на трупы, затем поглядел на мешки, покрытые темными кровавыми пятнами. – Приготовьте что-нибудь подобное, хоть наволочки. Я желаю за каждую отрубленную голову наших парней загрузить три вражьих. И улыбайтесь, мы ждем высокого гостя!

Я отрешенно глядел на распахнутую дверь, стараясь разглядеть, что там происходит внутри.

– Стрелять? – крутя в руках погасшую трубку, осведомился Дунке.

– Нет. Я пойду туда.

– Кто с вами? – Рольф Ротбауэр окинул взглядом личный состав «интербригады»: саксонцев, вестфальцев, итальянцев, испанцев... – всех тех, кто безропотно, а порой и с восторгом доверил князю Трубецкому дальнейшую свою участь, а то и саму жизнь. Каждый из них готов был идти за ним хоть в адскую бездну, не то что в гнездо каких-то там опившихся разбойников.

– Я пойду один.

– Но, принц, они же вас убьют! – всплеснул руками Малышка Кляйн, совсем как хлопотливая мамаша, узнав, что ее сын ушел на двор гулять без шапки.

– Это будет не просто сделать, – покачал головой Трубецкой. – А кроме того, засевающие в особняке твари отлично понимают, что, если со мной что-нибудь случится, они все умрут жуткой смертью. Ведь так? – Князь поглядел на соратников.

– Конечно, так, – отозвался Ротбауэр. – Однако...

– Мой принц, я пойду с вами! – обнажая саблю, воскликнул Хосе Эрреро Рохас. Этот уроженец Сарагосы ненавидел Наполеона и все, что было связано с ним, всеми фибрами души. Глаза его всегда были точно подернуты пеплом родного города. Год назад он, скрипя зубами, записался во французскую армию с одной лишь мыслью оказаться с оружием в руках где-нибудь поблизости от гнусного корсиканца. А там... Хосе был уверен в своих силах и ловкости, и неспроста уверен, оставалось лишь немного удачи. Но ведь, право же, не мог Господь всеблаготворителем быть на стороне этого кровавого душегуба! Вероятно, отец небесный и впрямь был милостив к Хосе, ибо тот остался жив, дойдя до Смоленска, где и повстречался с князем Трубецким, как раз в тот час, когда пытался устроить в одиночку засаду на императора французов. – Я не оставляю вас, мой принц!

– Нет, – я покачал головой. – Я иду один. И вот еще, если со мной что-то случится, спасите Александру. Пусть она живет, или же... – Пред моим внутренним взором, будто чертик из табакерки, всплыла картина, которую я отгонял все эти дни, с того момента, когда увидел разоренный монастырь и растерзанных монашек посреди двора. – Если по какой-то причине она не сможет, не захочет жить, дайте ей умереть легко и достойно.

Лица соратников, давным-давно не отличающих вид крови от вида проточной воды, невольно исказили гримасы ужаса, Александру в отряде почитали едва ли не святой. А с той поры, как она вывезла меня раненого, едва живого из Москвы, она почиталась живым талисманом «интербригады». Чувства бойцов передались и мне. Я резко отвернулся.

– Я иду с вами, мой принц, – еще раз негромко сказал Рохас.

– Нет, я иду один. А вы будьте готовы.

Полсотни шагов, не больше, полсотни шагов отделяло позиции моих бойцов от распахнутой двери барского дома. Сейчас главное – сохранять нерушимое спокойствие. Никакой суеты. Шаг за шагом вперед, будто прогуливаясь по липовой аллее.

«Интересно, – крутилось у него в голове, – что думают по поводу такой вот ситуации премудрые Старцы из Комитета Спасения, все эти умники, решившие откорректировать ход истории и вселившие меня в тело далекого предка, князя Сергея Петровича Трубецкого?» Они бы сейчас точно бушевали, кричали, что это против всех правил, брызгали слюной, твердили, что все поставлено на кон, напоминали, что его уже третий день на месте сбора ждут гусары ротмистра Чуева и крестьянский отряд Афанасия Михайлова сына Ильина. А он вместо этого рыщет голодным волком, желая освободить какую-то бог весть кому нужную паненку, которую, между прочим, сам едва не прибил в первые же дни своего пребывания в этом мире.

Небось уже все труды историков, все мемуары и воспоминания очевидцев перелопатили, пытаюсь выяснить, кто же такая эта Александра Комарницкая, или же, как величают ее поляки, Оленька. Никто, зеро, ноль в истории, она прошла, как ветер по траве. Одна из миллиона юных девиц, которым в 1812 году должно было ярко блистать, все равно, на балах ли, или у колодца в родной деревеньке. Одна из... Нет – единственная! И все равно, что нарешают ученые мужи, и все равно, что станет в этом мире, если сейчас ему не удастся сей безумный замысел.

Шаг и еще шаг, крыльцо все ближе. На белых, под мрамор, ступенях хорошо видны темные пятна. Сейчас кровь хозяев здесь вперемешку с кровью гостей. Но даст бог, очень скоро первую не будет видно за потоками чужой ядовитой крови. Интересно, что сейчас чувствует Черный Маркиз? Уж точно не страх, разве что досаду от того, что так нелепо угодил в западню. Людей этой породы я хорошо знал, чувствовал, во многом и сам был таков. В других условиях, при других обстоятельствах, быть может, и не стал лишним раз связываться с таким вот бешеным псом, но теперь выбора нет. Как там говорили Старцы: «Слишком много поставлено на кон – судьба мира». И что сейчас куда более важно – судьба Оленьки.

Вот и ступени, первая, вторая, третья. В доме зажглось несколько свечей. Должно быть, для «торжественного приема». А вернее, чтобы в суматохе переговоров не промахнуться.

– Бон суар, мон принц. Бьен веню! – прозвучал из-за распахнутой двери чей-то насмешливый голос.

«Черный Маркиз, – догадался я. – Ну что ж, добро пожаловать так добро пожаловать».

Я вошел под сень старинного особняка, выстроенного, судя по гербу на портике, еще при государыне Елизавете Петровне. Однако не успел сделать и шага, как в лоб мне уперся пистолетный ствол.

– Я знал, что русские порой наивны как дети, но все же, занимаясь столь кровавым ремеслом, не стоит быть дураком.

Горящие по бокам от входа свечи в ветвистых бронзовых канделябрах хорошо освещали говорившего. Тот явно был доволен и собой, и произнесенной фразой.

– Полностью с вами согласен. – Я огорченно вздохнул, поднимая, как водится в таких случаях, руки и разводя их в стороны. – Быть дураком в наше время очень накладно. Именно об этом, собственно говоря, я и хотел побеседовать с вами или же, может статься, вашими людьми. Как получится. – Упирающийся в лоб холодный металл чуть дрогнул. Должно быть, Черный Маркиз предполагал несколько иную реакцию на свою ловкую проделку.

Я глядел на него, оценивая. Высокий блондин, должно быть, из Северной Франции, широкоплечий, наверняка в драках всегда имел успех. «Экий нахрапистый! Ну, ничего,

ничего, пока все идет по плану. Такие молодчики часто имеют короткое дыхание. Бьют хорошо, но вот как держат удар – большой вопрос».

– Как интересно! – насмешливо скривился предводитель мародеров и оглянулся на стоявших чуть поодаль гвардейцев. – Ну что, послушаем принца?

Головорезы радостными воплями поддержали сгоравшего от любопытства командира. Конечно, тот был отчаянный понторез, хотя и не знал такого слова. Но, встречаясь с чем-то, для себя не понятным, несколько терялся. И сейчас изо всех сил старался не показать этого. – Итак, мон принц, о чем же вам так не терпелось с нами поговорить, что вы решились на верную смерть?

– Для начала, если позволите, вопрос?

– Слушаю вас с нарастающим вниманием, – ухмыльнулся беглый кирасир.

– Я не ошибусь, если скажу, что вы не являетесь регулярной воинской частью?

Мародеры разом загомонили, выражая свое отношение к покинутой ими армии.

– Не ошибетесь, – довольно резюмировал Черный Маркиз. – Это все?

– Это хорошо. Это, пожалуй, дает вам немалую фору.

– Что вы там лепечете, месье Трубецкой?! – возмутился Черный Маркиз, раздраженный ледяным спокойствием пленника.

– Фи, Маркиз, что за базарный жаргон? Мы же с вами аристократы. А не какие-нибудь там грязные клошары с паперти у кладбища Невинноубиенных! – Я приложил усилия, чтобы скрыть ухмылку. Противник нервничал, и это было хорошо. Не говоря уже о том, что держать этак на весу на вытянутой руке увесистый пистолет было не самым приятным развлечением. Чем дальше, тем больше. – Я лишь говорю о том, – продолжил я, – что поскольку вы, по сути, – шайка грабителей и мародеров, а не воинское подразделение, то имеете некоторое право на снисхождение. Вы, конечно же, слыхали о том, что я веду личную войну с императором Наполеоном?

Черный Маркиз пожал плечами.

– Меня это не касается.

– Напротив, касается самым непосредственным образом. Если вы сложите оружие, то я обещаю вас пощадить.

– А если я прямо сейчас вышибу тебе мозги?

– Вам, месье, – поморщился я. – Не тебе, а – вам.

«Надо дожимать Маркиза. Впрочем, какой он, к чертям собачьим, маркиз? В лучшем случае бабка его с каким-нибудь маркизом на сеновале кувыркалась».

– Теоретически это возможно. Но, во#первых, после этого вы все не проживете и пяти минут, потому как за то время, пока мы ведем здесь светскую беседу, мои люди уже заняли позицию под стенами особняка. А во#вторых...

– Ах ты!..

Вот дел у меня больше нет, кроме как выслушивать мнение обо мне какого-то французского дезертира! Ничего хорошего тут уж точно не услышишь. Я резко опустил поднятые руки, ухватил правой оружие Черного Маркиза за ствол, поворот, рывок – и пистолет вылетел из пятерни лжеаристократа. Негромкий короткий скрежет, и мой пистолет уперся беглому кирасиру в живот: предводитель крестьян Афанасий Ильин был настоящим Левшой. Покрутив в своих медвежьих лапищах диковинные «хлопальные» пистолы и принесенный мной набросок, он почесал затылок, присвистнул, что-то померил и к утру соорудил требуемое устройство, закрепленное сейчас на моих запястьях. В положении изготовки к стрельбе увлекаемое инерцией оружие выскочило из рукава и само легло в ладонь.

– Вы не дослушали, что «во-вторых».

Пришедшие в себя от неожиданности поделники Маркиза схватились было за оружие. Сам он был мертвенно-бледен, но старался держаться.

– Не стоит, – тихо посоветовал я, больше всего на свете желая сейчас нажать на спуск. – Как там: «стволы Ле Пажа роковые...» Пистонный замок, два ствола высочайшего качества сборки. Одно лишнее действие – и у вас в желудке окажется два свинцовых ореха. Сразу вы не померете, будете подыхать долго и мучительно. Перитонит, знаете ли, чертовски неприятная штука, и раздробленный позвоночник – тоже.

– Если вы стрельнете, сразу умрете, – куда тише и без прежней усмешки выдохнул Маркиз.

– Верно, – согласился я. – Но я-то пришел к вам вести переговоры, а вы устраиваете балаган. Теперь к делу – я говорю, вы слушаете. Итак, господа, прости господа, у вас есть ровно два выхода из западни. Первый: вы отдаете мне захваченную вами в монастыре девушку – я оставляю вам жизнь и даю полдня форы. Второй: вы не отдаете мне девушку – и те из вас, кто через пятнадцать минут еще останется жить, будут мной запытаны так, что даже китайцы, большие мастера этого дела, обзавидуются, глядя на ваши останки.

– Ты ничего не получишь! – рявкнул бывший кирасир, пытаюсь отпрянуть в сторону. Выстрел, раздробленное колено Черного Маркиза багровеет от крови, нога подламывается, и он рушится на затоптанный пол.

– Как я уже говорил, замок пистонный, порох досыпать не надо. Стреляет мгновенно. Бью я без промаха. – Я развернулся, пнул ногой дверь. – У вас пять минут на раздумья. Провожать не надо.

И снова: шаг, еще шаг и... резкий прыжок с крыльца в сторону. Опешивший в первую секунду разбойный люд бросается к распахнутой двери, и в этот миг злобно рявкает навешенная Дунке пушка. Заряд картечи выкашивает себе дорогу от входа к лестнице на второй этаж.

– У вас есть пять минут. – Я невольно крещусь, прижимаюсь спиной к стене и облизываю пересохшие губы.

«Как там писал Киплинг: «Акела промахнулся»? Сейчас эти мерзавцы наверняка вспомнят, насколько дорога им никчемная их, бестолковая жизнь. Черный Маркиз, как бы вчера они его ни обожали, им уже не вожак – с такой раной, в лучшем случае при наличии умелого хирурга, останется калекой. Значит, куда проще расстаться с добычей, чем с головой. А Маркиз, ежели будет чем-то недоволен, станет мешать, скорее всего, просто отправится к праотцам. А может, и уже отправился.

Если расчет верен, сейчас все прояснится – момент истины! Ну же, сколько там, минута прошла, две?» Трубецкой для француза сейчас – существо легендарное, безжалостное, но часть этой легенды гласит, что он никогда не врет. И если сказал, что даст полдня форы, значит, так и есть. Хотя не врет – вовсе не означает, что говорит правду. Дорога здесь одна, и куда бы эти мерзавцы ни пошли, с одной стороны поджидают в засаде гусары ротмистра Чуева, с другой – спешит на подмогу крестьянское ополчение Афанасия Ильина. «Ну же! – Трубецкой закусил губу. – Четыре минуты, началась пятая».

– Эй! – послышалось из дома. – Не стреляйте! Мы выходим.

На заляпанные кровью ступеньки вылетело тело в мундире кирасирского лейтенанта. Раздробленное колено и... несколько штыковых ран. Черный Маркиз явно не понял, не уловил момент, когда перестал быть непререкаемым вождем своей банды. А дальше все, что стоит на пути к спасению, должно исчезнуть, будь он хоть сто раз маркиз и еще три раза герцог. Но торжествовать еще не время.

– Всем выйти и выстроиться перед крыльцом! Если с Александрой что-то случилось, считайте, что я вас обманул.

– Да жива она, ничего с ней не случилось! – кричит с порога рослый детина, должно быть, какой-нибудь очередной Зеленый Шевалье или Серо-Бурый Виконт.

Я подсакиваю к разбитому окну, стволом пистолета отбиваю несколько торчащих осколков, подтягиваюсь и засакиваю в дом, стекло хрустит под ногами, лужи крови, несколько трупов, персидский ковер у лестницы кажется побуревшим. У первой ступеньки валяется сабля, еще совсем недавно висевшая на поясе Черного Маркиза. Должно быть, он еще пробовал сопротивляться, отстаивать свое место в стае.

Но к черту самозванца и к черту его стаю! Перескакивая через три ступеньки, взлетаю по лестнице вверх. Дверь одной из спален распахнута, у косяка, гордо выпрямившись, едва придерживаясь тонкой рукой за дверь, чтобы не споткнуться при шаге, стоит Александра.

– Оленька! – сбившимся от волнения голосом шепчу я и замираю, не в силах произнести больше ни слова.

– То е ты. – Она протягивает пальцы к моему лицу и осторожно, будто сомневаясь, трогает щеку. – Я ждала тебя.

– Я пришел. Прости, что так долго!

– То е ты.

– Это я, Оленька, я! Все уже хорошо, больше тебя никто не обидит!

– Я ждала тебя, – вновь шепчет Александра, глотая бегущую слезинку.

– Я люблю тебя, Оленька!

Глава 2

Гвардия Черного Маркиза полегла без остатка. Верный Кашка, юркий, как ящерка, Акакий Колотяга, готовый даже не по слову, по намеку моему отправиться пешком вокруг света, без особого труда отыскал гусар Чуева. Теперь они ждали с нетерпением, когда на лесной дороге появится уныло бредущая толпа мародеров. Коней я им не отдал. Неуклонная честность принца Трубецкого не оставляла места для толкований: в ответ на опасливое напоминание, что я-де обещал с миром отпустить их, дав полдня форы, я лишь щелкнул крышкой брегета и, глядя, как отмеряет последние часы мерзавцев тонкая стрелка, ответил, что коням я ничего подобного не обещал.

Намек был прозрачен, как растаявшая снежинка. Их как раз сейчас было много, с утра начал срываться первый снег, еще неуверенный, тающий, едва коснувшись земли. Осень в этом году выдалась холодная. Ветер, студеный и злой, дул, почти не переставая, завывал голодным волком, сбивая с толку отяжелевшие от богатой добычи стаи. Холодные дожди изнуляли бредущих по дорогам, размывали землю, превращая еще недавно проезжие тракты в реки грязи.

Понимая, что медлить не следует, мародеры бросились прочь из разоренного имения. Но едва успели выйти за околицу ближнего села, опушка барского леса запестрела гусарскими ментиками. Блеснули отточенные сабли, и всадники на хорошо откормленных гладких конях вылетели с «ура!» на сбившихся в бестолковое стадо грабителей. Кто-то еще пытался командовать и даже стрелять в сторону атакующей конницы. Но всем и каждому уже было понятно, что они бесповоротно обречены. И все, что остается, – либо сдаться, либо хоть напоследок еще раз почувствовать себя настоящим солдатом Великой армии. Толпа попыталась выстроиться каре, но слишком поздно. Гусары врубались в строй, и клинки их начали кровавую жатву. К разбойникам и мародерам не было ни малейшего сострадания.

Я наблюдал за истреблением банды в подзорную трубу из того самого кабинета, в котором еще совсем недавно строил планы Черный Маркиз. Оттуда, как и положено было по канону усадебной архитектуры, открывался замечательный вид.

– Ты здесь, Серж? – послышалось за моей спиной.

Голос Александры звучал негромко, и в словах ее, произнесенных с довольно сильным польским акцентом, была какая-то особая прелесть. Так, будто она специально выучила этот язык, чтобы общаться с тем, кого совсем недавно проклинала как погубителя своей родни. И проклинала с полным на то основанием. Кому какое дело до того, что было причиной их смерти и ее слепоты? И толку-то с того, что я осознавал полную, хотя и жестокую адекватность своих действий? Любовь не интересуется разумностью или неразумностью поступков. И потому я невольно вздрогнул, будто появление очаровательной паненки застало меня врасплох за чем-то непристойным. Я понимал, что нам еще нужно о многом поговорить друг с другом. И не знал, как себя вести. Одно дело общаться с другом или же даже с врагом, как вот сегодня с этим Черным Маркизом, и совсем другое – с любимой девушкой, пережившей такое, что и не всякому врагу пожелаешь. Что теперь говорить? Расспрашивать – значит бередить незажившие раны. Делать вид, что ничего не произошло, – того хуже. Этакая гордяхка, как она, конечно, слова не скажет, но про себя наверняка решит, что мне все равно, что было с ней. Или же того хуже – что теперь я с ней из одной только жалости.

– Я слышу, ты здесь, Серж, – продолжила Александра.

Я повернулся и с хлопком сложил подзорную трубу.

– Да, сердце мое, я здесь.

– Ты что-то разглядывал? – Девушка, ощупывая пространство впереди себя тонкой ручкой, осторожно двинулась на голос.

- Да, смотрю, как гусары Чуева крошат в капусту давешних разбойников.
- Опять кровопролитие, – вздохнула шляхтенка.
- Это война, – резко ответил я. – И не мы привели в чужие земли свои войска.
- И вы приводили, – неожиданно сухо ответила Александра. – И мы.
- Ты же знаешь...

– Не надо, не говори ничего! Я в детстве часто слышала истории войн между твоей и моей родиной. Наверняка не так, как слышал их ты. Но речь сейчас о другом. О том, что вообще заставляет всех этих людей в различных мундирах, говорящих на различных языках, убивать друг друга. Что: вера в милосердного Бога, торговая выгода, верность чему-то неосязаемому, имеющему лишь словесное выражение: законы чести, ратная слава? Все эти люди не знают друг друга и лично не имеют ни к кому из тех, кого убивают, никакой вражды. Но все же стреляют, колют, рубят. Это ужасно!

– Твой отец и братья тоже не знали меня, – вдруг сорвался я, вспоминая проклятую ночь нашего знакомства с Чуевым. Первую мою ночь в этом мире, которая едва не стала последней. – И я не сделал им ничего плохого.

– Да, это правда. И это тоже ужасно. Тогда я не понимала этого, сейчас у меня было время подумать. Особенно после Москвы. Если бы я могла видеть, я бы не хотела любоваться кровопролитием.

– Мне тоже это не доставляет особой радости, хотя эти люди мало подходят под категорию тех, кто не сделал мне зла. И в первую очередь зла тебе.

– Да, это дурные люди, очень дурные. И все же я буду молиться за их души. И... – Александра вдруг замолчала, словно что-то вспомнив.

– Что случилось? – встревожился я, глядя на странно изменившееся лицо девушки. – Ты побледнела.

– Да, там был один человек, не знаю ни его имени, ни звания. Я слышала, когда меня увозили из святой обители, он разговаривал с приятелем, говорил, что у меня замечательно красивые глаза и что сама я очень красивая. Одна беда, что незрячая. Другой ответил, что раз незрячая, то, стало быть, на то воля Божья, с этим ничего не поделаешь. Но тот разбойник сказал, что это не так, что в Париже есть некий доктор Дюмануа, который воистину творит чудеса. Что год назад рядом с его шурином взорвалась шаровая молния, тот потерял зрение. Оставалось лишь побираться. На удачу его возле рынка заметил этот самый лекарь. Увидев, что нищий одет чисто и вовсе не похож на тех побирušек, которые кланчат деньги добропорядочных граждан, он спросил, в чем его беда, услышав его историю, взялся излечить.

– И это ему удалось? – с интересом спросил я.

– Да, спустя две недели тот человек уже различал контуры предметов, а спустя три месяца видел так же ясно, как и до взрыва молнии.

– Лекарь Дюмануа, – повторил я, стараясь запомнить имя.

– Именно так. Тот второй не поверил говорившему, хотя он клялся своей головой. Но, может быть...

– Да, может быть. Что ж, ты слышала вход французов в Москву и можешь поверить, я приложу все усилия, чтоб увидела вход нашей армии в Париж. Но пока что следует задуматься о надежном укрытии для тебя.

– Я уже думала об этом, – негромко произнесла Александра. – Я вернусь в имение.

– Что ты такое говоришь? Там сейчас война. Французская армия отступает. Во второй половине ноября там будет невообразимая толпа голодных, замерзших, ошалелых французов... Да и наши, признаться, будут не многим лучше.

– Там мои люди. Вернее, отца, но теперь мои. Они его любили, и я верю, что не выдадут его дочь.

– Оленька, что ты такое говоришь?! Твои крестьяне не смогут противостоять толпам мародеров. Хорошо, что здесь я подросел вовремя. Если бы нет... А тогда, в конце ноября, они будут еще злее, голод, холод и поражение толкают на чудовищные преступления даже тех, кто вчера еще казался вполне нормальным. Да и опомнись, где ты там будешь жить? Усадьба выгорела, а то, что осталось, французы, скорее всего, разобрали на дрова.

– Покуда я поживу на хуторе у своего дяди. А весной...

Я невольно замер, вспоминая лесной хутор, о котором говорила Александра. На редкость неуютное место, где произошло их «знакомство» с французским резидентом капитаном Люмьером, где с него самого едва не спустили шкуру, где затем полегли братья Александры. Впрочем, я ей об этом не говорил, и вряд ли стоит, чтобы такую новость сообщил ей кто-либо другой.

– Нет уж, как хочешь, но сейчас ты туда не поедешь, выбрось из головы эту блажь!

Выражение лица Александры стало холодным, как в те недавние дни, когда она величала себя моим тяжким крестом.

– Ты не смеешь мне указывать! Или я все же твоя пленница, князь?

Я досадливо покачал головой:

– Нет, Сашенька, не пленница. Слушай меня, постарайся понять. Так уж получилось, что в этом мире для меня нет никого дороже тебя. И я не могу допустить, чтобы с тобой случилось что-то страшное. Я прошу тебя, повремени с этой поездкой. Недолго. Быть может, полтора месяца, а то и меньше. Я придумаю, как отвезти тебя в Париж к месье Дюмануа. Обещаю тебе, а ты знаешь, я всегда держу слово.

Александра молчала. Расценив отсутствие какого-либо ее ответа как согласие, я продолжал:

– Неподалеку от Нижнего Новгорода имение моей тетушки. Я пошлю с тобой корсиканцев, твоего верного Томаша, напишу письмо и выдам денег на дорогу, чтоб вы ни в чем не нуждались. А когда дорога на Париж нам будет открыта, я пришлю тебе гонца.

– И кем же я буду у твоей тетушки?

– Я напишу, что ты моя невеста. Она добрая женщина...

Александра повернулась, чуть заметно поджала губы и вышла из кабинета.

– Куда ты?!

– Хочу побыть одна. Хочу вспомнить тот день, когда ты сделал мне предложение и когда я его приняла.

«Проклятье! – Я крепко сжал ладонями виски. – Да что ж это такое? Почему все так? Ведь я же чувствую, что тоже дорог ей, или, может, это мне лишь кажется? Она, конечно, обрадовалась своему освобождению, но, может быть, я все остальное лишь придумал? Мираж! Фата-моргана! Ничего такого не было?! – Я снова уставился в окно, стараясь унять кипевшую в груди досаду. – Разве я не прав? Разве то, чего я хочу, не идет на пользу ей? Что же тогда? Почему?»

Бой вдали завершился, вернее, не бой, а бойня. Я и без подзорной трубы видел, как, выстроившись колонной по три, в село въезжают гусары Чуева. «Скоро они будут здесь, – подумал я. – Ротмистр посылал гонца в Ставку, значит, будут новости. Впрочем, во многом я их могу предсказать куда лучше любой штабной сводки. Как ни крути, а знания – тут мое главное оружие. Хотя тут есть некий парадокс: чем активнее я пользуюсь своими знаниями, тем выше шанс, что они далее не будут соответствовать реальности. Кто предупрежден, тот вооружен. И об этом отнюдь нельзя забывать. Многознание вполне может сыграть плохую шутку. Никогда не угадаешь, когда именно. Так что всегда нужно быть готовым на ходу вносить коррективы, и потому новости из Ставки могут оказаться воистину бесценными. Так что умерьте гордыню, ваше сиятельство, – скомандовал я себе. – А оказаться в Париже до того, как Наполеон соберет новое войско, перспектива заманчивая. Это не фуражиров резать

и адъютантов перехватывать, тут игра может пойти по самой крупной ставке. Правда, – я усмехнулся, – тогда дата вступления нашей армии в Париж может сильно измениться. Что ж, придется признать, что ошибся. Надеюсь, капитан Люмьер будет не в обиде. Стой, стой, стой! – Я остановил резвый бег своих мыслей. – Все это так, несомненно, так. Однако же в Париж следует попасть, чтобы отвезти Александру к чудодейственному лекарю. И уж потом великая миссия, напутствие Старцев и прочие героические выходки».

Я вдруг остановился, стараясь взвесить на невидимых весах совести и чести свою любовь и величие Отечества, и будто ощущал, как натужно вибрирует чаша весов, не давая однозначного результата.

– Ваше сиятельство! Ваше сиятельство! Михалыч человека прислал. К мосту, что у Стыри, направляется колонна.

– Чуев с гусарами уже в селе. Поднимай наших, мы выступаем.

Старая Смоленская дорога, пожалуй, никогда не видала такого количества людей, коней и повозок. На многие версты растянулась бесконечная рваная колонна отступающей из Москвы французской армии. Овеянные славой полки теперь брели, густо замешивая дорожную грязь, ломая по утрам тонкий ледок, схватывавший лужи. Брели понуро, но упорно, стараясь хранить подобие строя, все еще вслушиваясь в команды офицеров. Ветераны на каждом привале объясняли желторотым юнцам, что военная фортуна переменчива, и хотя Маленький капрал, быть может, зря так долго ожидал в пылающей Москве, когда этот сумасшедший русский царь запросит мира, но все же ничего фатального не происходит. Скоро армия дойдет до Смоленска, где полно жратвы и вина, где есть теплая одежда, где можно спокойно перезимовать, отъедаясь, залечивая раны и пополняя ряды прибывшими из Франции новобранцами.

Конечно, черт возьми, холодно, но так ведь дело к зиме. А и то сказать, под Прейсиш-Эйлау не теплее было, однако же выстояли, победили! И теперь небось не слабее. А если так подумать, то нынче сам Бог велел армии выстоять, ибо после битвы на Москва-реке в ранце почти у каждого солдата хранится ежель не маршальский жезл, о котором некогда говорил Наполеон, то уж обеспеченный завтрашний день – это точно. Столько всего досталось в трофеях, что и в сказках слышать не доводилось. Вот еще чуть-чуть русский царь покочевряжится и поймет, что деваться ему некуда. Поймет и придет на поклон. В конце-то концов, за что ему воевать? За британское золото? У него и своего столько, что другим и не снилось. Стало быть, куда проще и выгодней императорам между собой договориться, как в прошлый раз в Тильзите. А уж если скопом на Британию навалятся, так полетят от этих английских выскочек – только пух да перья. Оно что и говорить, если сравнивать с Аустерлицем, русские воевать научились. Но, конечно же, не так ловко, как император французов.

Молодые солдаты слушали, кивали головами, протягивали к костру продрогшие руки и утоляли мучительный голод пресными лепешками. Воды не хватало, так что запивать приходилось исключительно пивом. Попытка набирать воду из ближайших рек и озер ни к чему хорошему не привела – жесточайшая дизентерия косила полки не хуже картечи. Как ни силились армейские лекари спасти обессиленных болезнью солдат и офицеров, те не могли двигаться дальше и оставались в разоренных деревнях на милость врага, а то и вовсе в придорожных кустах, практически лишенные шанса на спасение. Участь этих несчастных заставляла оставшихся сплачивать ряды и маршировать, сцепив зубы, вслушиваясь в команды офицеров, как некогда в проповедь священника, шагать к Смоленску, волоча на спине звонкий гарант светлого будущего, мечтая лишь об одном, что когда-то это все закончится и вот тогда-то с улыбкой можно будет рассказывать внукам...

Кроме солдат Великой армии, от Москвы мрачной толпой брели гражданские всякого рода и звания. Еще совсем недавно они и не думали куда-то двигаться с насиженных мест.

Все эти кондитеры, учителя танцев, портные и куаферы, модистки и актрисы, лишенные привычного заработка и порою вовсе не без причин опасаящиеся возвращения русской армии. Конечно же, далеко не все из них в прежние годы имели сношения с французской разведкой, старательно докладывая о настроениях в обществе, о конфиденциальных секретах высокопоставленных заказчиков, о передвижении войск, словом, обо всем, что могло навредить России. Не все, ясно, что не все. Однако кто бы стал разбираться?

От такого огромного балласта движение Великой армии становилось все более неспешным и все менее организованным. Порою даже адъютанты, имевшие непререкаемое право беспрепятственно обгонять любую войсковую часть, вязли в этих бесконечных испуганных толпах, теряя драгоценное время и тем самым способствуя разрушению управления армией не менее, чем разрозненные отряды народных мстителей.

Сейчас около переправы толпилась именно такая беспорядочная масса отступленцев, окружившая пообносившиеся остатки какой-то фузилерной роты, будто моллюски – потрепанный корабль.

– Афанасий Михалыч, – с лестным для крестьянского вожака почтением обратился я к соратнику, – что ж вы нас на всякий-то сброд отвлекаете?

Ильин сам покачал головой, запустив пятерню в густую бороду.

– И то, ваше сиятельство, промашечка вышла. Парни мои, должно быть, все эти кареты да коляски за обоз приняли. Но всяко не по злобе. А дурь эту я им сам нынче же из башки выбью.

– Да уж окажи любезность, а то б ринулись, не глядя, на этакий курятник!

– Не извольте сомневаться, барин.

Афанасий редко именовал меня барином. По большей мере обращался с глубочайшим почтением, но без низкопоклонства. Сейчас, должно быть, чувствовал свою вину за ложную тревогу. Как сообщала разведка, вскорости по дороге должен был следовать личный обоз генерала Груши, под завязку груженный московскими трофеями. Он-то и был настоящим объектом атаки, а уж никак не этот перепуганный сброд. Я повернулся к Чуеву:

– Алексей Платонович, что там ваши разъезды, выявили противника?

– Выявили, – поглаживая темный, с легкой проседью ус, кивнул ротмистр. – В двух верстах позади тащится. В сопровождении полуэскадрона драгун и пехоты. Восемь десятков штыков. Так с лету нашими не подступиться. Там еще на возах десятка два, а то и три отдыхать может.

– Может, – согласился я. – Значит, как-то нужно уравновесить шансы.

Я задумчиво поглядел на груженные пожитками летние коляски, переезжающие через мост. Молодой лейтенант-фузилер, понимая, чем может грозить заминка на переправе, срывая голос, кричал на какого-то осанистого старика в бобровой шубе, пытавшегося залезть без очереди на своем ландо перед телегами с армейской поклажей. Тот бушевал в ответ, даже в лес к месту засады доносились его крики, что он заслуженный профессор, что о его трудах благосклонно отзывался сам Наполеон и он не потерпит задержек. Между тем затык у моста становился все больше и скандал разгорался все громче.

– Этак они нам всю охоту испортят.

– И не только нам, – хмыкнул Чуев.

– Это как же понимать, Алексей Платонович?

– Я о разведке-то не договорил.

– Ну так уж, будь добр, коли начал, договаривай.

– Там у поворота видишь, роща на холме?

– Вижу, как не видеть?

– Вот, аккурат в той роще казачья сотня и схоронилась.

– Что же ты молчишь?

– Отчего ж молчу, Сергей Петрович? Вот говорю. Разведка только-только вернулась, я к ним корнета Муромского посылал.

– Из пополнения, что ли?

– Так и есть, из пополнения. Говорит, что семнадцать годов. Однако по виду так и не скажешь. Усы еще едва-едва пробиваются, так, пушок. Так он его специально чернит, чтоб старше казаться.

– Забавно. И что ж твой Муромский?

– Да вот, рассказывает, что стоят там казаки некоего есаула Неделина, и сей есаул вовсе не желает с нами заодно выступать. Говорит, волк с рысью добычей не делится.

– Ишь ты, поэт! – недовольно поморщился Трубецкой. – Баснописец. Буквально Крылов Иван Андреевич. Что ж, может, оно и к лучшему. Пошли своего корнета назад, пусть скажет есаулу, что мы отсюда уходим. Но при нем оставим самого корнета и пяток гусар. Добыча казачья нам безынтересна, но ведь волки-то, известное дело, больше вырежут, чем съедят. Так что если вдруг бумаги какие сыщутся или же в толпе найдется кто особо ценный, кому на тот свет рано отправляться, пусть возьмут под свою защиту.

– Ишь ты, как завернул! – покачал головой Чуев. – Кому рано на тот свет отправляться. То ни тебе, ни мне не ведомо.

– Может, ты и прав, почтеннейший Алексей Платонович, да только вариантов-то не много: либо мы кого от смерти спасем, либо всем тут конец настанет. Так что не в словах истина.

Чуев лишь махнул рукой, понимая, что спорить с Трубецким – последнее дело.

– Ну так вот, – между тем продолжил я. – Ты со своими людьми обойди колонну да с тылу шугани. Но в бой не вступай, как фузилеры откроют огонь, отходи на исходные позиции.

– Стало быть, гнать этих бедолаг волку в пасть?

– Не ты их с места сорвал да в дорогу погнал. Стало быть, не тебе за них и отвечать, ни перед государем, ни перед Господом.

– Все это отговорки.

– Хотя бы и так. Однако же покуда все они на русской земле, а стало быть, враги. Увы, но это правда. Раз с этим решили, я продолжаю. Пока вы загоняете дичь в западню, я снова превращаюсь в лейтенанта Зигмунда Пшимановского.

– Зачем?

– Как это зачем? Чтобы привести подмогу гибнущим собратьям. А заодно и предупредить начальника обоза, что впереди казаки. Для того чтобы расчистить дорогу, они вынуждены будут послать вперед драгун. Так что казакам будет чем заняться, кроме как потрошить чужие тюки и сундуки. И вот, когда здесь у переправы начнется настоящая заваруха, мы по золотому обозу и ударим. Ты свою позицию знаешь. Сигнал к атаке тоже. А я уж постараюсь сделать так, чтобы в этот момент оказаться рядом с начальником этого ломбарда на колесах. Только вы уж сработайте аккуратно, а то как-то глупо погибать, не дожив до победы. Я еще капитану Люмьеру обещал непременно отобедать с ним в его «Шантеклере».

Чуев вздохнул, не зная, улыбаться шутке боевого товарища или же крутить пальцем у виска. Затем перекрестил меня, словно прощаясь навсегда, и пробормотал чуть слышно:

– Храни тебя Бог, шальная голова!

Живопись и ваяние для Ротбауэра за последнее время стали делом привычным. Всего несколько минут – и вполне здоровый человек со стороны напоминал израненного, чуть живого инвалида. В первый раз, когда мне в голову пришла идея въехать в занятое врагом селение, сопровождая телеги с ранеными, эта процедура заняла около двух часов. Однако же со временем Ротбауэр стал настоящим мастером своего дела, предтечей искусства боди-арта.

Спустя несколько минут голова моя была покрыта окровавленной повязкой, засохший потек крови спускался на щеку, рука на перевязи представляла собой настоящий бинтовой кокон, так что вполне скрывала руку с пистолетом. Конечно, управлять конем в таком состоянии было довольно неудобно, но все же вполне реально. Наклонившись к холке, я дал скакуну шпоры, пуская его в рысь, затем переходя на галоп.

Стоило мне отскакать пару сотен метров, как за спиной послышались улюлюканье, выстрелы и «ура», в казачьем исполнении удивительно похожие на вой голодной волчьей стаи.

«Началось, – понял я, погоняя коня. – Сейчас главное было войти в роль, к тому моменту, когда покажется голова вражеской колонны, перед французами должен появиться раненый лейтенант Пшимановский, а никак не князь Трубецкой. Вперед, вперед!» В голове моей возник образ перепуганной толпы, жмущейся к возам, фузилеров, пытающихся одиночными выстрелами отогнать мчащуюся в предвкушении кровавой жатвы конную лаву. Хлопки звучащих вразнобой выстрелов подтверждали нарисованную воображением картину. Они становились все реже, далеко не каждый фузилер мог произвести три выстрела в минуту, а стало быть, очень скоро ружье превращалось в род копья, которым пехотинец не слишком успешно мог защищаться от казачьей пики. Впрочем, пика в лесу – чересчур громоздка, так что, скорее всего, казаки ударили в клинки. Но это лишь затягивает расправу, продлевает ее на несколько минут, не более того.

Я погонял коня, радуясь, что легкий морозец прихватил дорожную грязь, уменьшая шансы споткнуться в какой-нибудь промоине и свернуть шею. Сейчас мною двигало лишь одно желание – поскорее оказаться среди верных собратьев по оружию, храбрых французов или уж кого там командование поставило в охрану золотого обоза. Вряд ли союзников, те при малейшей возможности сами готовы растащить на памятные сувениры честно награбленное имущество. Но и в этом случае не беда, главное, что конницы генерала Домбровского здесь нет, а стало быть, некому задавать мне неудобные вопросы, кто я такой и что тут делаю.

Передовой разъезд показался спустя минут десять. Темно-синие мундиры с красной грудью, воротником и оторочками неумолимо свидетельствовали, что передо мной солдаты 7-го драгунского полка 6-й дивизии тяжелой кавалерии, входившей в корпус того самого маршала Груши, которого впоследствии наглый лгун Бонапарт обвинит в своем поражении при Ватерлоо. Но до того часа еще было шагать и шагать, сейчас же этот полк, сформированный еще во второй половине 17-го века, считался полком «с традициями» и потому вполне годился для сопровождения ценного груза.

Я бросил коня в самую гущу всадников и рухнул на руки драгун, поспешивших на помощь раненому комбатанту.

– Там... впереди... у переправы... – Я вяло махнул «здоровой» рукой и закрыл глаза, ожидая, когда же меня доставят к командиру. Когда я открыл глаза, надо мною склонились встревоженные лица ангулемских драгун, как их величали до революции. Судя по начищенным каскам с плюмажами и конскими хвостами, дела в части обстояли вполне недурно, и с дисциплиной все обстояло отменно. Я знал, что пройдет еще две недели, и мало кто из сегодняшних образцовых вояк станет таскать этот роскошный, но тяжелый и холодный головной убор. При первой же возможности сменит его на какой-нибудь неказистый крестьянский треух, а то и вовсе суконный колпак. Но сейчас время такого падения нравов еще не пришло.

– Надо перевязать его раны, – предложил один из склонившихся.

«Еще чего! – мелькнуло у меня. – Если я не желаю продемонстрировать этой братии случай волшебного исцеления, то нужно действовать как можно скорее».

– Пить, – стараясь не потерять отчетливый польский акцент, прошептал я. К моим губам тут же поднесли объемистую флягу, и в горло, заставляя резко закашляться, ударила струя отменного коньяка.

– Он приходит в себя! – радостно воскликнул кто-то рядом. Я приподнялся, и несколько рук подхватили меня, помогая встать.

– Лейтенант 1-го эскадрона 3-го полка 16-й дивизии Зигмунд Пшимановский, – негромко представился я.

– Капитан Монлери, – отозвался тот, кто протягивал флягу. – Что произошло?

– Впереди казаки. Не слишком много. Я заметил не больше полусотни. Они напали на колонну беженцев. Прикрытие сплеховало.

Капитан Монлери, должно быть, сделавший карьеру уже в годы Империи, а потому искренне полагавший храбрость величайшим достоинством солдата, как и ожидалось, моментально вскинулся:

– Мы должны помочь несчастным!

– Но с нашим грузом мы не можем распылять силы, – отозвался иной голос.

Я постарался не крутить головой и лишь скосил глаза, чтобы увидеть говорившего. Тоже капитан, на этот раз пехотный. И, судя по возрасту, начавший служить еще до первых сполохов революции. Основательный, с густыми седыми бакенбардами, наверняка немало повидавший на своем веку, он четко знал, что такое осторожность, и потому, вероятно, к своим годам так и не стал полковником. Но зато остался цел.

– Там гибнут наши собраты! – возмутился его душевной черствостью Монлери. – Там женщины, дети!

– Мы не можем рисковать, – не сдавался фузилер.

– Вы правы, месье, – тихо сказал я, глядя на пехотинца.

Лихой драгун уставился на меня с неподдельным удивлением.

– Но там впереди не просто гибнут люди. Ни в чем не повинные и по большей мере безоружные, – продолжил я прерывающимся голосом, полным драматического пафоса. – Там единственная в этих местах переправа. Если казаки уничтожат ее, вы со своими возами окажетесь в западне. Кто знает, быть может, эти казаки – лишь малая часть того, что направлено для перехвата вашего обоза. Насколько я могу понять, важного обоза. Если не захватить переправу, риск лишь возрастает.

– Шляхтич прав! – напористо воскликнул Монлери, явно рвущийся на выручку попавших в засаду бедолаг. – Без переправы нас тут сомнут. Сомнут в считанные минуты.

– Хорошо, – скрепя сердце проговорил фузилер, должно быть, возглавлявший конвой. – Берите своих всадников и поспешите, задайте перца этим мерзавцам! И удерживайте мост до нашего подхода.

– Я с вами, месье!..

Капитан Монлери поглядел на мое окровавленное лицо, висящую на перевязи руку и мотнул головой.

– Вы отлично сделали свое дело, лейтенант. Отдыхайте. – Он легко вспрыгнул на коня, поднял его на дыбы и скомандовал драгунам, только и ждущим приказа, чтобы броситься на помощь.

Скорее всего, там, на мосту, его ждали очередные лавры победителя. Казаки редко вступали в схватку с равным, а уж тем более превосходящим по численности противником, если только этого не требовала ситуация. Но в одном он был не прав – мое дело было еще не сделано.

Как я и ожидал, продвинувшись на полверсты вперед, обоз стал как вкопанный, ожидая сообщения от Монлери о том, что мост захвачен и удержан. Именно то, что требовалось. Тут-то и появился в тылу у французов воз, груженный обнаруженной в имении снедью, увитый гирляндами домашних колбас и балыков, как рождественская елка игрушками. На нашу удачу, барские кладовые были рассчитаны на долгую зиму, и мародеры не успели нанести им сколь-нибудь заметный ущерб. Вестфальские мундиры Ротбауэра и его земляков едва вид-

нелись под шубами с чужого плеча, да и все во внешнем облике возницы и сопровождающих его солдат наводило на мысль, что это не фуражиры, направленные какой-либо воинской частью, а шайка отбившихся от полка вояк, удачно пограбившая ближайшее имение. Увидев перед собой застывшую в ожидании колонну, вестфальцы также сочли за лучшее не лезть на рожон и остановились в некотором отдалении.

Как я и предполагал, такое поведение не могло остаться без внимания старшего офицера, и к возу тут же был направлен осанистый сержант с тремя бойцами. Я дорого бы дал за то, чтобы собственными ушами слышать завязавшуюся перебранку, Рольф Ротбауэр был мастером крепкого словца и сейчас явно с удовольствием использовал свои умения, чтобы объяснить чужаку, в каких именно отношениях он состоит с его родней и куда следует отправиться ему, а заодно и его капитану и всем, кто желает его остановить... Возмущенный сержант требовал честного дележа, то есть обещал вестфальцам оставить возок и лошадей. Однако подобный расклад недоучившегося лекаря вовсе не радовал. Закончив с бесполезной руганью, Ротбауэр приказал развернуть ароматно пахнущий возок, будто собираясь ехать в обратную сторону.

Такое хамство командовавший фузилерами капитан снести уже не мог. Он незамедлительно послал на помощь сержанту юного су-лейтенанта с наказом реквизировать продовольствие и арестовать подозрительных смутьянов. Но стоило молодому офицеру с десятком подчиненных направиться к драгоценному возу, «интербригадовцы» как по команде рухнули на колена и дали слитный залп. В тот же миг задний полог возка распахнулся, и по выбежавшим из-за возов фузилерам отрывисто рывкнула поставленная в кузов пушка. Залп картечи в упор буквально выкосил атакующих. В это время с пригорка слева от дороги чечеткой заговорили ружья партизан Афанасия Ильина.

Растерявшиеся фузилеры попытались организовать оборону и открыли беглый огонь в ответ, насколько это позволяла скорострельность дульнозарядных ружей.

– Становись! – крикнул выдавший виды капитан. – Сдвой ряды!..

– Не надо. – В затылок ему уперся ствол пистолета. – Я князь Трубецкой. – Прикрыв ему ладонью рот, я отступил в сторону, чтобы не мешать окончательному истреблению конвоя.

Из ельника с противоположной стороны дороги в тыл обороняющимся неслись гусары ротмистра Чуева, тихо, без обычного «ура!», так что французы за грохотом выстрелов обнаружили гусар лишь тогда, когда сабли тех обрушились им на головы.

– Вот так-то будет лучше. – Я похлопал бледного офицера по плечу. – Бросайте шпагу. Отвоевались. Но вы были ко мне добры, отвечу тем же. Могу ли я просить вас о небольшом одолжении? Доставьте, будьте уж так любезны, мое послание императору, не хочу, чтобы он подумал, будто я о нем позабыл.

– А мои люди?

– Им несказанно повезло, они являются пленниками добрейшего ротмистра Чуева, тот, как обычно, отправит их в Главную квартиру, там, в Ставке, уже решат их судьбу. Но если кто-то попался моим, уж не обессудьте, они умрут. Надеюсь, у вас нет сомнений по этому поводу. На войне как на войне.

Казаки, увлеченные грабежом, не ожидали удара, однако назвать их обычной шайкой грабителей было бы несправедливо. Едва завидев блестящие каски драгун, они бросили добычу и, вскочив в седла, пустились наутек. Эта радостная картина тут же разгорячила кровь французских кавалеристов: горя желанием проучить спасающегося бегством противника, они погнались коней. Месть была сладка и расплата близка. Совсем как локоть. И так же, как пресловутый локоть, куснуть бегущих «варваров» не удалось. Проскочив небольшую рощицу, казаки наметом выскочили на широкое поле и, рассыпавшись, будто горох

из короба, пустились к темнеющему вдаль лесу. Драгуны во французской армии числились тяжелой кавалерией. И хотя, по сути, все же оставались едущей пехотой, однако в конном строю атаковали монолитным кулаком и потому мало что могли сейчас противопоставить тому рою ос, в который превратилась казачья сотня. Не станешь же гоняться строем за одним-двумя, даже за дюжиной этих чертовски вертких, не желающих вступать в прямой бой головорезов.

Но это было еще полбеда, стоило драгунам остановиться, чтобы перестроиться, из леса с гиканьем и свистом, с разбойным кличем «Сарынь на кичку!» на французский отряд обрушились четыре сотни казаков с пиками наперевес. Излюбленный прием потомков Степана Разина вентирь, засада с наживкой, в очередной раз безукоризненно сработал. Спустя десять минут казаки уже шарили по разодранным мундирам мертвых драгун, хвастаясь друг другу кошельками, усыпанными камнями брошами и кулонами, золотыми часами – словом, всем тем, чем еще совсем недавно хвалились изрядно пограбившие в Москве и подмосковных имениях французы.

У нас в лагере настроение было куда хуже. Оставленные с казаками гусары Чуева на захваченной у отступленцев бричке привезли двух раненых: корнета Муромского и совсем молоденького, не многим старше его лет, су-лейтенанта в светло-зеленом мундире итальянского корпуса принца Богарне.

– Как это случилось?! – хватая за грудки старшего из гусаров, не вовремя разбуженным медведем ревел грозный ротмистр.

– Там, у моста, – оправдываясь, начал старый вояка, – как в дело завязались, сумятица вышла. Казачки, стало быть, вывернули одну карету, ну как сказать карету, добрый такой экипаж, а там вот этот паренек и, видать, женка его с карапузом. Один из казаков как женку увидел, потянул к себе. А офицерик-то, видать, совсем больной, еле подняться мог, а тоже за пистолет схватился. Тут ему казак, стало быть, пулю в шею и всадил и снова на эту кралю. Та ребенка своего к груди прижимает, он его выхватил да с дороги в кусты бросил. Она за ним, а этот ее за ворот хватить. Тут наш корнет-то и подскочил да как закричит: «Не смей, мерзавец!» Ну и этак оплеуху ему. Тот оскалится, а в руке у него плетень камчатная, этаким плетью и сквозь тулуп до кости можно располосовать. Так этот выродок корнету нашему поперек руки и полоснул. Вот рука, стало быть, и того...

Я поглядел на раненого: обнаженная сломанная кость торчала из раны, часть руки выше локтя держалась на лоскуте кожи, кровь хлестала из раны и, судя по всему, при нынешнем уровне медицины корнет был уже не жилец.

– Ротбауэр, – командовал я, – осмотреть рану немедленно, вероятно заражение крови, руку ампутировать. Постарайся сделать все возможное.

– Да уж можно было не говорить, – мрачно усмехнулся недоучившийся хирург. – Да только много ли тут сделаешь? Тут не лекарем нужно быть, а самим Господом Богом.

Ротмистр Чуев хлопотал над умирающим офицером, причитая:

– Голубчик, ты держись, сейчас оно полегче станет! Ужо доктор тебе поможет.

Муромский, бледный, невзирая на морозец, покрытый крупной испариной, метался в бричке и, казалось, уже не слышал слов командира. Его сосед был в полном сознании, кровоточащая царапина на шее доставляла ему боль, но лейтенант, похоже, не обращал на нее внимания. Он глядел на меня усталым, опустошенным взглядом, то и дело кашляя и кусая губу.

– Я могу вас спросить? – наконец произнес он.

– Да, конечно.

– Вы и впрямь принц Трубецкой?

– По-русски это называется князь, но суть верна, я и есть Трубецкой.

– Это хорошо. – Молоденький лейтенант на мгновение прикрыл глаза.

– Вы полагаете? Что же в этом хорошего?

– Это значит, что вы меня убьете. Вынужден признать, что это вполне совпадает с моими намерениями. Но раз это сделаете вы, то снимете грех с моей души.

– Вот как? А если, к примеру, я сохраню вам жизнь?

– Прошу вас не делать этого, принц. Моя жизнь закончилась там, у переправы, когда злодеи изрубили мою жену и убили ребенка.

– Гусары уверяют, что ребенка не убивали. Его кинули в кусты, но вполне может быть, что он жив.

Су-лейтенант молчал. Я повернулся к Чуеву, хлопотавшему над потерявшим сознание корнетом:

– Ротмистр, прошу вас, отрядите своих людей из тех, кто сопровождал Муромского, обшарить кусты возле места нападения на ту самую карету. Если ребенок там и жив, незамедлительно доставьте его сюда.

– Благодарю вас, принц, – тихо проговорил француз. – Признаться, не ожидал. Можно ли тогда небольшую просьбу?

– Говорите. Если это в моих силах, постараюсь исполнить.

– Ну да, воля умирающего и все такое, – чуть заметно кивнул су-лейтенант. – Я верю, что вы передадите моего сына в добрые руки. Когда он подрастет, прошу вас, расскажите ему, что его зовут Шарль-Гаспар, что он сын Элеоноры и Огюста Буланже, лейтенанта Буланже, адъютанта принца Эжена Богарне. Мужа, который не смог защитить жену. Отца, не спасшего единственного сына. Адъютанта, не выполнившего приказ, не доставившего, увы, распоряжение своему командующему. Пусть ему повезет больше.

– Когда вас послали к командиру 4-го корпуса?

– Пять дней назад, потом я свалился с воспалением легких. Но это не имеет значения. – Он сильно закашлялся. – Я не выполнил приказ, из-за меня погибли люди, много людей, а я все еще, на горе мне, жив. Быть может, смерть даст облегчение...

Я смотрел на несчастного мальчишку, понимая, что бессмысленно говорить ему о том, что все в жизни может еще перемениться, что он должен жить ради сына, что должен держаться. Все мои слова звучали бы глупо и фальшиво. Да и то сказать, как бы ни было мне по-человечески жаль несчастного юношу, он был офицером вражеской армии, армии, против которой я вел личную войну. Однако убить его значило исполнить его заветное желание – странная манера ведения боевых действий. Я еще раз глянул на адъютанта генерала Богарне. Явно не так он представлял себе героический поход в Россию, иначе не стал бы везти с собой молодую жену с ребенком. Он лежал бледный, осунувшийся, с темными кругами под глазами, но вместе с тем удивительно гордый, бестрепетно готовый встретить смерть.

– Потом разберемся, – буркнул я, не зная, о каком таком «потом» идет речь. – Алексей Платонович, – позвал я ротмистра, – следует навестить казаков, негоже это дело оставлять без ответа.

Ротмистр, едва скрывавший накатившие на глаза слезы, выпрямился и одернул ментик.

– Я с вами, Сергей Петрович!

– Пить, – донеслось из брички. Лейтенант итальянского корпуса из последних сил поднялся на локти. – Дайте пить.

Я оглянулся, нашел взглядом ближайшего партизана из отряда Афанасия Ильина и распорядился:

– Принеси ему воды.

– Слушаюсь, барин! – без промедления ответил тот, отвязывая от пояса импровизированную флягу.

– Давай, парень...

Выстрел грохнул внезапно, так что я и сообразить не успел, что произошло. А когда повернулся на звук, все уже было кончено. Огюст Буланже лежал, свесившись набок, и из развороченного затылка его еще поднимался пороховой дым.

– Я ж ничего, – оправдывался крестьянин. – Я ж, как вы и приказали воды дать, так я и дал. А он у меня из кушака пистоль выхватил и себе в рот.

Я отвернулся, не проронив ни слова. Пожалуй, на такой дистанции при желании лейтенант успел бы пристрелить и меня самого, но не пожелал. Не пожелал.

– Похоронить, – наконец прерывая молчание, проговорил я. – Волкам на корм не оставлять. Ротмистр, командуйте гусарам в седла. Рольф, остаешься в команде за старшего, проследи, чтобы лейтенанта погребли достойно. И посмотри, у него, вероятно, есть карты, пакеты... Он сказал, что не успел выполнить какое-то поручение. А мы, даст бог, скоро вернемся.

Штаб казачьего полка – «малой партии, назначенной прерывать сообщения противника» – располагался в небольшой деревеньке, в трех верстах от большака. Увидев собранных по оружию, казаки не выказали особого восторга, однако же без лишних разговоров указали «штабную избу». Войсковой старшина Фролов 7-й, командовавший отрядом, хмуро поглядел на гостей и после ответа на приветствия коротко спросил:

– Пить будете?

– Сначала нам следует переговорить, – ответил я.

– А ты кто таков, в каком чине состоишь? А то вот Чуева прежде уже встречал, а ты что за птица? – глядя на мой польский мундир, уточнил старший офицер.

– Подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка князь Трубецкой 1-й. Можно попросту Сергей Петрович.

– А, стало быть, тот самый Трубецкой?! А вражьи обноски небось по нужде надел?

– Ваше высокоблагородие, – я едва сдержался, чтобы не вспылить, – я прибыл сюда не с тем, чтобы обсуждать мой гардероб.

– Полно ерепениться, князь! – нахмурился Фролов. – Как ни крути, со старшим по званию разговариваете. Когда разрешу вам слово молвить, тогда и будете. А до того нишкни. – Казак перевел глаза на ротмистра Чуева и, демонстративно игнорируя меня, поинтересовался: – Так с чем пожаловали?

– Ваш подчиненный совершил преступление, – набычившись, заговорил гусар. – Он поднял руку, да что там руку – плеть на офицера.

Войсковой старшина поморщился.

– Да, знаю. Дурацкая история вышла. – Он свистнул в два пальца, и в дверях показался вестовой, явно успевший пригубить зелена вина и оттого раскрасневшийся как маков цвет.

– Деришاپку ко мне!

Спустя несколько минут в комнату ввалился чубатый казак в распахнутом армяке поверх мундира.

– Чего хотел, батька? – демонстративно игнорируя стоящих рядом офицеров, спросил он.

– Вот, по твою душу прибыли. Думаю, отдать им тебя с головой или же самому по нашему закону рассудить?

– Да как же ж так, батька? Куда ж выдать? Я ж верой и правдой! Уж восьмой год...

– А ну цыть, Гришка! Расчвирикался тут! Восьмой год он, понимаешь ли!

Войсковой старшина опрокинул в рот чарку сивухи, крякнул и обтер пудовым кулаком усы.

– Так что, стало быть, знакомьтесь, господа офицеры, сотник Григорий Деришاپка. Есаула Неделина правая рука. Сами понимаете, не простой казак, а как есть офицер. А уж

то, что знаков различия собачий сын не носит, так я ему за то харю набок самолично, богом кланусь, сверну. Но ведь так если рассудить, вон и князь тоже черт знает в чем. Как по нему сказать, что он русский подпоручик? Форменная шляхта. Угодил бы к нашим, пожалуй, что и не выжил бы.

Сотник громко вздохнул, должно быть, сожалея, что нынешний гость действительно не попал ему в руки чуток пораньше.

– Так что тут вот какая, – Фролов замешкался, припоминая слово, – коллизия выходит: младший офицер ударил по роже старшего по званию, да еще при его подчиненных.

– Ваш сотник занимался мародерством! – гневно выпалил Чуев.

– А вот это не скажите, сами, небось, видели, там пехотурная колонна шла. А то, что вокруг нее всяка шелупонь прилепилась – ну так кто ж им велел? Сами шли, сами и пришли. Так что не обессудьте, Гришка, ясное дело, погорячился и за то передо мной ответ держать будет, а только вы и своему корнету передайте, чтоб впредь смотрел, кого по морде лускать.

– Корнет Муромский умирает, – тихо проговорил ротмистр. – Вряд ли дотянет до утра.

– Ну, стало быть, судьба у него такая, коли умирает во цвете лет. Жаль, конечно, парня, но что попишешь? Ты куда ступай, Гришка, потом с тобой переговорю. – Войсковой старшина перевел взгляд с подчиненного на нас: – Так что, пить-то будете? У меня в нонешней схватке двенадцать парней легло, тоже молодых да резвых. А еще семнадцать по избам сейчас бабки всякими заговорами да кореньями лечат. А они мне все – как дети, промеж всем прочим.

Я и Чуев молчали, будто набрав в рот воды.

– Ну, коли пить не будете, то и ступайте, – резко меняя тон, скомандовал Фролов. – А вам, подпоручик, рекомендую мундирчик сменить, не ровен час, к моим парням в руки попадешь. Они ляхов ох как не любят!

Мы четко развернулись и вышли из комнаты. В сенях о чем-то беседовал с вестовым сотник Деришайпка. Я ухватил его за плечо.

– Чего тебе? – Сотник дернулся, желая высвободиться.

– На, держи, – я перевернул его руку ладонью вверх и положил туда несколько золотых наполеондоров.

– Это ты чего? – ошалело пробасил казак.

– Это жалованье французского лейтенанта. Сейчас и ты, и я нужны своей родине. Но война кончится. Война императора Александра с императором Наполеоном. Однако же не моя. И вот тогда для меня ты будешь французом, и судьба у тебя будет такая, как у всех прочих французов, которым довелось стать у меня на пути.

– Эй, эй! – Казак хотел что-то сказать в ответ, но я не стал слушать и вышел на улицу, хлопнув дверью.

– Помрет Муромский, – прыгая в седло, горестно вздохнул Чуев. – Как есть помрет.

– Из родни кто есть? – спросил я.

– Мать осталась.

– Стало быть, так: из того золота, что сегодня в усадьбе взято, половину отправляем матери корнета. И если дите нашли, пусть тоже к ней отвезут. Как-никак, защищая его, он на смерть пошел. Пусть внуком ей будет – какое ни есть, а утешение. А об остальном я еще позабочусь, когда придет время.

Глава 3

Первая заповедь партизана: бей и беги. Как бы ни был ты силен и ловок, с регулярной армией тягаться не стоит. Опасно, да и бессмысленно. Особенно если она все еще в упоении от собственной недавней победы и голод лишь злит ветеранов, сквозь огонь сражений прошагавших вдоль и поперек всю Европу.

Старая Смоленская дорога, как это ни обидно, все еще была полна боеспособными частями. А значит, медлить на месте успешно проведенной засады – смерти подобно. Едва перегрузив захваченный груз на телеги, партизаны нашего соединения пустились в бегство, стараясь вполне себе реально, а не фигурально замечать следы. Привязанные к конским хвостам метелки из елового лапника – неплохое средство от неловкого преследователя. Умелый наблюдатель всегда заметит и перевернутый камень, и сломанные ветки, от него таким нехитрым способом не спасешься. Но взялся за гуж – не говори, что не дюж.

Поручик Ляпунов, прибывший с пополнением в эскадрон к моему другу и соратнику ротмистру Чуеву в отличие от бедолаги Муромского уже не первый год носил мундир, и все эти годы выдались на весьма беспокойное время. Ища себе военную славу и пользу Отечеству, он специально перевелся из лейб-гусар в армейский полк, чтобы найти выход своей ратной удали и неумной энергии. А когда речь зашла о рейде во вражеский тыл – он был первым, кто изъявил желание отправиться терзать неприятеля денно и ночью, бить, не давая продыху. Оставленный за старшего, отменно справился с порученной ему задачей.

Вскоре после нашего возвращения он докладывал Чуеву, то и дело косясь на меня. Его можно было понять, по званию он был мне ровня, а уж ротмистр так и вовсе старше меня, соответственно принять непреложный факт, что партизанский отряд находится под моим командованием, ему было крайне непросто. Столь вопиющее нарушение субординации для всякого строевого офицера было чем-то невообразимым. Я, как мог, старался как-то сгладить неловкость, однако поручика такая несправедливость, похоже, здорово раздражала. Однако дело свое он знал отменно.

– В шести верстах отсюда, на привале у тракта, обнаружен передовой отряд корпуса принца Богарне. Уже седлали коней. Около эскадрона конных егерей. Я приказал сделать завал на дороге, это несколько замедлит их движение, но вряд ли надолго.

– Да уж, – хмыкнул ротмистр, – минут этак на пять, не больше.

– У нас сейчас всякая минута на счету, – напомнил я. – Дальше они наверняка будут наheckу, а когда дойдут до разбитого обоза, так и вовсе алярм начнется.

– Думаешь, следом пустятся? – поглядел на меня Чуев.

– Егеря-то да уж почти наверняка пустятся. А уж если они знают, что на возах было, так и вовсе можно даже не гадать. Это они позже, за Смоленском, золото и серебро в кюветы сбрасывать начнут, чтоб только лишний груз с собой не тащить. А сейчас оно для них еще весомое подтверждение их победы. А согласись, для отступающего быть уверенным в победе – дело крайне важное.

– И то верно, – кивнул Чуев. – Что ж ты предлагаешь?

– Пригласить господ егерей в гости.

– Шутишь?! Зачем?! Да и как?

Я заговорщицки подмигнул Алексею Платоновичу.

– Уж поверь, мимо тебя это не пройдет.

– Да, вот еще, чуть было не запямятовал, – вмешался в наш разговор поручик Ляпунов. – У лейтенанта еще пакет с собой был, – он достал из ташки опечатанное сургучом письмо. – Вскрывать не стал, – он протянул трофей ротмистру.

– Вы позволите, друг мой? – я протянул руку к посланию. Чув и сам намеревался отдать его мне, но столь явное нарушение субординации вызвало на лице Ляпунова бурю эмоций, встопорщившую роскошные усы, переходившие в бакенбарды. Я спрятал пакет за пазуху.

– Вы что же, Сергей Петрович, и вскрывать его не будете?

– Нет. Письмо вез адъютант, стало быть, оно имело непосредственное значение в тот момент, когда было отправлено. Но уже неделю бедолага валялся без чувств, а это означает, что информация, содержащаяся в нем, давно утратила значение. А вот сам запечатанный пакет еще пригодится, но чуть позже.

– Вы что-то задумали, Сергей Петрович?

– Конечно же. Когда-то бывало иначе? А пока будем придерживаться хорошего тона. Я еще не послал Наполеону свои поздравления с очередным уменьшением расходов на содержание армии.

– О чем это вы, князь? – удивленно мотнул головой поручик Ляпунов.

– Ну как же? Теперь его императорскому величеству не придется тратиться на содержание этакой уймы голодных ртов. Где там мой пленник?

– Вы что же, Сергей Петрович, собираетесь просто так отпустить французского офицера?

– Ну да. Однако не просто так. По моим наблюдениям, офицеры куда лучше ориентируются на карте, да и на местности скорее покажут дорогу. А сейчас прошу вас, господа, дайте мне возможность сосредоточиться, я должен написать императору прочувствованное, буквально нежное письмо. Он, небось, уже истосковался без них.

Село Татиново располагалось в шести верстах от проезжего тракта. Еще когда французская армия маршировала к Москве, не дожидаясь супостата, местный помещик с десятком крепостных отправился в древнюю столицу, дабы вступить в конное ополчение графа Дмитриева-Мамонова. С той поры о нем ничего известно не было, во всяком случае, управляющий помещьем старик, по виду явный отставной фельдфебель, ничего говорить не стал. Он вообще был не слишком разговорчив. Когда мои «интербригадовцы» нашли это притаившееся в лесах сельцо, он, хмуро глядя из-под седых бровей, вышел на крыльцо с охотничьим штуцером в руках, вскинул его к плечу, быстро прицелился и недобро объявил:

– Грабить не дам.

Дюжина бородачей с вилами и пистолетами развернулась за его спиной, готовясь принять, возможно, первый и последний в своей жизни бой. Все мои заверения, что отряд не является шайкой мародеров, пролетали мимо его ушей, похоже, даже не касаясь слуха. Лишь подошедший отряд Афанасия Ильина несколько исправил ситуацию. Управляющий по-прежнему глядел недобро и говорил через губу, но все же, хотя и не слишком радостно, признал нас за своих.

Как выяснилось сейчас, сельцо, за исключением нескольких изб, пусто. Властная, «похлеще какого генерала», маменька здешнего помещика, как только сам он покинул отчий дом, велела крестьянам грузить пожитки на телеги и до поры до времени убираться с обжитых мест в отдаленное курское поместье. Для временной базы нашего партизанского соединения лучше места было не отыскать. А уж когда оставленным для надзора и обороны от мелких разбойных банд крестьянам пошла захваченная упряжь, седла, никчемная для нас мануфактура и готовые вещи, мы и вовсе стали в Татиново дорогими гостями. Для всех, кроме, пожалуй, управляющего. Тот пристально следил, чтобы в оставленных домах не пропало и гвоздя, и торговался за всякую безделицу с жаром заправского купца. Впрочем, как и велел ему долг. Я назначил его комендантом базы и ни разу о том не пожалел. Но вражеская

армия двигалась все дальше от Москвы, нам следовало уходить с насиженных мест, перед уходом оставив французам презент на память.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.